

84Р6К
А 46

Марина Александрова

Чужие окна

Марина Александрова

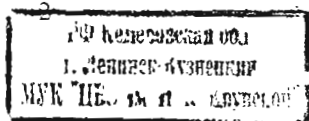
Чужие
ОКНА

Александрова Марина Григорьевна, выпускница филологического факультета Кемеровского государственного (специализация – журналистика), работает на «Радио Кузбасса» с 1982 года.

Ведет «живые» эфиры. В ее программах затрагиваются самые разные темы: социальной политики, культуры, образования, народного творчества.

Любит бывать в глубинке: маленьких городах и селах Кузбасса, откуда привозит многочисленные материалы о событиях и людях. Особое место в ее передачах отводится художникам, поэтам, писателям, мастерам прикладного искусства, самодеятельным и профессиональным артистам.

74013 (1)

От автора.

Пожалуй, самое удивительное в профессии журналиста - общение, встречи с людьми, мир каждого из которых – целая Вселенная. Иногда это чужой мир, иногда близкий и понятный, но всегда – открытие.

Незнакомый прохожий. Он не знаком лишь до поры, пока не разговоришься с ним. Вот так, казалось бы, случайно повстречаешь человека в дальней дороге или среди знакомых... Поговоришь или просто споешь с ним вечерком песню: и откроется такая удивительная судьба, такой полет души, аж дух захватывает. Надо же, какие люди рядом!

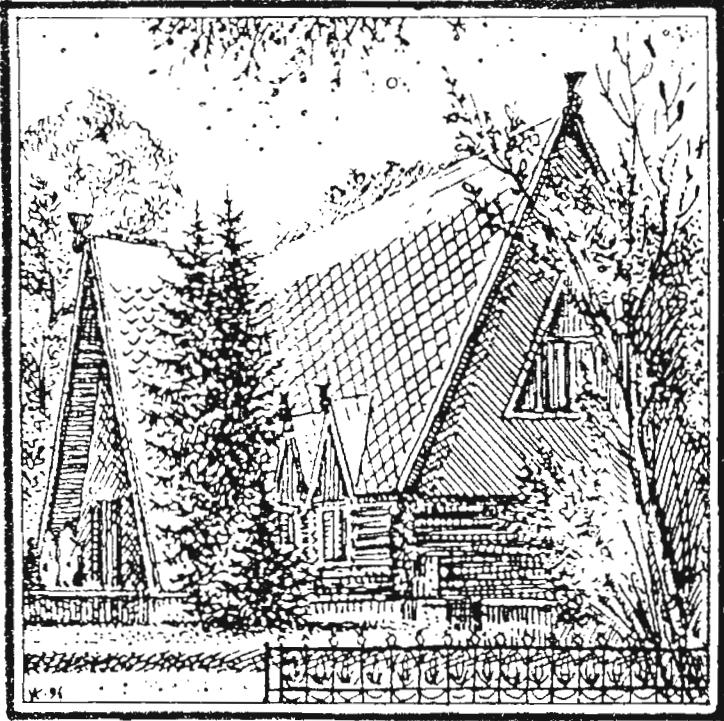
И человек тот станет близким, необходимым. И поверишь: встреча уготовлена кем-то, случайных не бывает. словно ждал ты, готовился к знакомству и берег в сердце уголок для прохожего, раньше совсем незнакомого.

Говорят, нельзя заглядывать в чужие окна. Это все равно, что читать письма, адресованные соседям. Но если человек позволяет заглянуть ему в глаза, приподнять плотные занавеси на окне, если сердце его рвется навстречу и он готов протянуть руку... тогда мы хотим быть рядом.

И если мне когда-то в жизни очень помогли встречи с этими людьми... кто знает, быть может, помогут они и кому-то еще...

С о д е р ж а н и е

	Стр.
Философия бересты.....	6
Воспитание музыкой.....	22
Куртуковская сказка.....	46
Мир в красках и стихах.....	56
Сельский книголюб.....	76
Рассказы, частушка.....	85
Эвакогоспиталь.....	106
История в песнях.....	118
Гармонисты.....	124
Все краски из детства.....	144

ФИЛОСОФИЯ БЕРЕСТЫ

МАЛАЯ РОДИНА

Трудно сейчас представить Мариинск таким, каким был он более 150 лет назад.

Возвращают нас к прошлому удивительные деревянные кружева резных коньков, ставен, причелин.

...Сибирский тракт - печально известная кандальная дорога. Тракт проходил по самому центру уездного городка и был единственной и главной его улицей. Бесконечный скрип полозьев, конский топот, крики ямщиков. На постоянных дворах снует торговый люд, мелькают тулупы, армяки, шинели...

Представляя такую картину. Я иду по главной улице Мариинска. А воображение рисует обстановку купеческого или добротного крестьянского дома, скрывающуюся за резными наличниками: крепко сколоченный, выскобленный добела стол, лавки, главное убранство - сундук, обитый по уголкам медными пластинами, начищенными хозяйкой до горячего червонного блеска, самодельная утварь - лохань, прялка, пропитанный лесным ароматом поставок, или туес (по-разному называли эту посуду для кваса, пива

или меда). А то еще - бурак. Был он незатейлив, но удобен для хозяйства. Расписной, узорчатый, резной или с оплеткой. Кто теперь скажет, какими они были, эти творения рук человеческих?! Творения не ради эстетики, а в силу необходимости. Ушли они в прошлое.

БЕРЕСТА

Бересте предпочитаем мы сегодня фарфор, стекло, фаянс. А между тем современным материалам потягаться еще с берестой! И не только красотой и неповторимостью каждого изделия, а и свойствами такой посуды. Надолго оставался холодным квас в туесе (хоть на покос возьми, хоть в дорогу), молоко не скисало по неделе, а хлеб, обернутый берестой, оставался душист и мягок.

Возродил в Мариинске народный промысел умелец на все руки Юрий Михайлов. Поначалу сделал - получилось, а теперь, прикипев душой к бересте, удивляется, как не делать, коли руки сами просят, если почувствовали, ощутили материал этот - мягкий, податливый, лесом пахнувший, - руками и сердцем почувствовал!

А что побудило, толкнуло на туес - тот

самый первый, еще не совсем ладный? С чего началось это творчество? Не просто промысел народный, а мастерство и красота, объединенные искусством.

А началось все с восхищения. Друг Юрия - художник Володя Дунаев, подглядел работу у деда древнего в Томской области научился туеса делать. Увидел его работу Михайлов и тоже загорелся. Начал сам пробовать. А туеса те - чем дальше, тем больше затягивали.

Что за сила у бересты такая? Всех друзей, хозяек их, одарил. " Это такая работа, которая не только душу греет, а людям необходима. Туеса ведь любой хозяйке на радость", - отзывается мастер о своем творчестве.

...Вот они теснятся рядками на полках - один на другой непохожие: где тонко и радостно расписанные красками сибирских трав, ягод, где гладкие, ровные, без сучка, без задоринки - чистые своей белизной. Которые оплетены берестяной косичкой, а которые с незамысловатой коряжкой - под ручку, - словно лебедь выгнула шею или змейка из коробочки выглянула.

Такую красоту по нынешним временам вроде и в хозяйстве использовать жалко. По-

ставить бы куда да любоваться. Уж больно хороши. Но нет! Иначе считает Юрий. Хочется ему, чтобы изделия его на пользу шли: "Если они просто стоят, как сувенирные, пылятся, они вроде как отмирают. А вот если они используются на кухне - под соль, под сухари, мед, под квас, используются в полную меру, то они становятся красивыми, обтираются, как старинное оружие. Говорили: оружие красиво, когда оно блестит естественным блеском от тепла человеческой ладони. Так и тусса. Чуть-чуть где-то, может, перекособочатся, чуть-чуть края где-то закатаются, крышечка притрется. И такой сувенир - от души, потому что тепло дерева несет".

Тепло дерева... Что за тепло такое? Каждого ли человека греет тепло это? Наверное, нет. Не всякому, к сожалению, суждено почувствовать, испытать радость от прикосновения к бересте, ленточке белой, соком березовым пропитанной. Видно, то тепло человеческой души в дереве не остывает. Что с любовью делается, и глаз радует, и сердце волнует.

- Мало того, что сам материал бросовый, так ведь у Мариинского мастера еще и каждый кусочек используется. С добрым чувством к бересте подходит, бережно. Специально на солонку обдирать дерево не будешь, а

из остатков иной раз такая красота получается!.. «Каждый туес, берестянка своего подхода требует», - говорит Михайлов.

Оно верно, требует. Каждая пестринка на бересте свою роспись подсказывает. И рад бы каждый туес по-своему сделать, мастерство, искусство показать, других научить, да не каждый красоту эту понимает. Свои законы у народного промысла, свои образцы, по которым меряют красоту. Тем художник от простого ремесленника и отличается: он прекрасное в сучке заметит.

Истинное или "а ля народное"?

Обидно и стыдно иной раз бывает смотреть на выставленную в витринах магазинов халтурную продукцию, которая почему-то называется "художественными изделиями народных промыслов", какая такая художественность в оплетенных винных бутылках, или бутылках-сигаретницах, самшитом отделанных? Чего только нет на таких прилавках: деревянные чарочки, кособокие, раскрашенные в ядовито-зеленый цвет, наскоро выструганые ложки... Словом, аляповатый кич, который глаз не радует и пользы не приносит...

Обидно, что появились эти горе-товары на свет. Еще обиднее, что выдаются они за народные промысловые поделки. А ведь ни-

чего близкого с народным не имеют. Делает их какой-нибудь дядя на маленькой фабрике, ни вкусом, ни мастерством не наделенный. И расходуется этот товар убогий по домам нашим, внося в них безвкусицу.

Вот и Юрия настораживает: если станет на поток (когда-нибудь в будущем), то как бы у него не появились разногласия в душе. Ведь потребуется стандарт определенный. Трудно здесь не растерять тех качеств, что годами копились, доброго, внимательного отношения к каждому туесу в отдельности, с выявлением характерных черт для него.

Есть росписи традиционные, чисто народные, а есть те, что мастер мариинский сам вводит. Почему бы не расписать изделие берестяное ягодами сибирскими - неброскими, самоцветами изящными, но не яркими? Или взять фольклорные мотивы, частушки те же? Вот у Ю. Михайлова прекрасно все получается. Живописные бытовые сценки счастливо уживаются на его туесах рядом с травяными росписями.

- Конечно, - сознается он, - давно состоявшиеся вещи, дошедшие до нас, они, безусловно, отпечаток свой на современное творчество накладывают. Трудно от них сразу отойти, чтобы гармонии бересты не нарушить...

Но на то Юрий и мастер-художник, чтобы свое в изделие привносить. В поиске постоянном. Бережно, осторожно ведет роспись. За основу лишь прием сам взял - изготовление туеса, а наряд его,- декор - это уже свое, выстраданное, найденное в долгих спорах и пробах. Потому-то и каждый туес один на другой не похож. Делает их захлеб, зачастую до утра просиживая за работой.

Отчего так серьезно, болезненно относится мастер к каждому изделию?

-А это, наверное, от того, что душой кривить не хочется.

Ему говорят часто: "Росписи твои на иллюстрации похожи". Ну и что? - А если я в душе такой потенциал чувствую? - "Работай попроще..." - А как можно проще работать? Делать под народное? Да ведь это предательство. На нет можно так народное свести. Что-то делалось раньше по необходимости быта. Но меня это не удовлетворяет. Я ведь художник...

ИСТОКИ

Думаю: не случайно мастер такой, как Ю. Михайлов, появился не где-нибудь, а в Мариинске - старинном сибирском городке. Го-

родке богатой истории, прошлое которого живет в памяти деревянных кружев, в памяти многих мариинцев.

Начались его туеса не только с восхищения. Мастер шел к ним через песни народные - протяжные, вольные, сердечные, - через травы, цветы родного края, перенося на полотна их, через наигрыши гармонь, балалайку, через рассказы стариков.

Спорит со мной отчаянно: нет, не ушли от нас прекрасные ремесла народные, обряды, таинства, не ушли песни русские. Оно и верно. В искреннем порыве, бывает, затянет Юрий с друзьями мелодию, на несколько голосов ее раскладывая, ту, что слышали от бабушек своих. Или соберутся под рождество лихой развеселой компанией, всю ночь с шутками-прибаутками по домам ходят - колядуют. Это ли не чудо в наши дни? Не запланированное клубными работниками мероприятие проводят, а праздник души устраивают, свадьбы гуляют обрядовые. Все как положено: с песнями, с плачем, со сватаньем. Частушек знают множество. Не чувствуют себя растерянными и растерявшими. Отложилось начало это в них, и теперь не только воспроизводят, - развивают. Проросли корни плодами. То, что стало достоянием их души,

детям своим прививают. И живут этим, и питают свое творчество.

"Только так можно и возродить, и создать свой промысел, - рассуждают. - Законсервировать как эталон, как образец, а затем отходить от него в чем-то, добавлять новое."

Нелегко мариинцу творить в продолжение традиций. При работе по бересте есть образцы севера русского, те, что общеприняты давно, - классика. А в Сибири...

А как тебе сработать, чтобы не сказали: ой, ребята, вы - сибиряки, а делаете как архангельцы! И думают: будем искать как подсказывает сердце Путь тернист. Главное - душой не покривить, честно сработать и творчески. И не одинок Михайлов в своих помыслах. Много и природа подсказывает. А общаются с ней мариинцы близко. Среди тайги выросли, понимают ее дыхание.

Много теплых слов услышала я от Юрия и о стариках мудрых. Уходят они из жизни, но секреты с собой не забирают - перенимает у них мастер самобытность, открытость, щедрость. Взял за правило, как бы в дань перед ними - не таить, все, чем владеет, а делиться. Пусть каждый (если есть желание) осваивает, детей учит.

Есть у Михайлова мечта - посвятить серию работ городу. Уходит его неповтори-

мость в прошлое, на глазах дома рушатся. А ведь Кемерово - центра областного - еще и в помине не было, а Мариинск уже звучал в Санкт-Петербурге.

- Тут, конечно, не только в истории дело, но и в том, что твой город - часть тебя. Как об этом говорить? Сложно. Просто город родной - истоки, что напитали тебя, твое творчество, дали силы идти по жизни. А мечту свою он уже всю воплощает.

КИРПИЧКИ КУЛЬТУРЫ

Заметил Ю.Михайлов одну закономерность: везет туеса на выставки в большие города - Москву, Киев, - и там, в среде художников, интерес особенный к изделиям чистым, гладким или резным, не наделенным красками, отмеченным печатью простоты. К расписным относятся с осторожностью.

В городах малых - наоборот. К расписным тянутся: в руки берут. Пропитанные тонким изящным рисунком туеса притягивают внимание. Думал над этим немало. Отчего так? А, может, оттого, что уровень жизни, интерьеры сильно разнятся? Там, где интерьеры богаче, площади роскошные, парки усеяны цветами, архитектура высокая, насыщенная, - тянутся люди к народному, им изделия

нужны попроще. А у нас и дома, и скверы посерее (что скрывать?). И радуют глаз больше туеса цветные, радужные.

Да так издавна повелось: не было у крестьянина возможности иметь на столе богатые столовые сервизы, посуду изящную. Свою делал - удобную, простую в обращении и исполнении. А чтобы разнообразить быт как-то, украшал резьбой замысловатой.

Вот и мастера мариинского естественный чистый туес не удовлетворяет: нутром почувствовал - надо еще что-то, творческую изюминку привнести.

И еще заметил: разучились люди веселиться, так чтобы праздник - так праздник, все для него. Где гулянья сельские, где песни девичьи за околицей? Где гармонисты, которых вся деревня знает? А гулянье - это что? Это отдых от труда. Труд сегодня, в принципе, легкий. Если у человека течение жизни размеренное, спокойное, ему уже и повеселиться лень, да и не умеют.

Раньше только минутка праздничная выпадала, крестьяне жизнь скрасить стремились, выплескивались в песнях да плясках полностью. На современные клубы сетуем. И здесь сложно. В клуб придешь - там кружок хоровой да танцевальный. А ведь песню спеть - определенный момент для души ну-

жен, если ее естественно спеть, в порыве, так, как песня зарождалась. Ведь она как зарождалась? Не на показуху... И вдруг это удовольствие, наслаждение, этот момент души растянуть хотят на определенный период - репетиции, подготовку концерта, период ожидания выхода на сцену. И с песней что получается? Обыкновенный "механический" процесс. Вышел - сделал. А чувства расплескал все по дороге. Жизнь стала легче - и пропала у народа потребность выплескивать радость, страдания из души в одночасье. Человек, когда поет - очищается.

Песни русские народные - протяжные, глубокие. И говорит мне Юрий:

- Мы же не можем некоторые песни петь! У нас элементарно не хватает воздуха в легких. А споешь песню от начала до конца - и у тебя все легкие, каждый уголок прочищен и думы светлые.

Учился Михайлов в Красноярской художественной школе на вечернем отделении. Работал на судостроительном заводе и учился. Притянула же живопись. Участвовал в областных и зональных выставках. Через живопись пришел и к туесам.

- Откровенно говоря, не для выставок работаю,- говорит. -Для чего занимаюсь? Одно-

значно не ответишь. Можно сказать: хочется, и все тут. Пусть так будет: хочется... Потребность души - здесь все. И вряд ли пойду по иному пути, накатанному. Не могу реализовать свой творческий потенциал через одно что-то. Если мы идем, колядуем наряженные... и после этого живописью занимаемся... Ведь на колядки нас толкает то, что мы с материалом работаем природным. Сделал первый туес - получилось. А, сумев его сделать, я как художник, обязан еще душу в него внести. Это та же картина для нас, то же полотно,- и руки просят сами...

...Шли, ехали в Сибирь переселенцы. Из Рязанской губернии свое везли, из Тамбовской, Тульской - свое. Вот такой винегрет получился. А теперь попробуй, разберись: какая исконно сибирская культура?

По колориту, по сложившемуся мнению, должно быть вроде все такое крепкое, коренное... Вот и мастерам из города сибирского слышать не раз приходилось: туески должны быть ваши кряжистые... А они не согласны. Почему в Сибири не может быть туес изящный, высокий? Полет души отразить...

Мы разговаривали с Юрием уже несколько часов подряд. А тема нашего разговора оставалась неисчерпаемой. О бересте мас-

тер мог говорить так долго и так увлеченно, словно это живое существо, со своей судьбой, своим прошлым. будущим. А, может, и в самом деле живое?..

- По крайней мере я поражаюсь: вроде что тут? - взял поясень бересты, надел на него рубашку, опоясал, сделал донышко - готово! Что тут говорить?! Оказывается, столько еще нюансов тонких, постоянно открываешь для себя новое. Замечал, берешь в руки бересту - философствуешь... Сам с собой, с людьми, с природой, со временем говоришь. Единение с природой чувствуешь, проникаешь в то время, когда этим занимался какой-то человек, и вроде соприкасаешься с ним, разговариваешь наедине... Удивительное свойство бересты.

Вот стоят три туеса - набор таежный: брусника, клюква, а это черника - неяркие лесные ягоды. Береста, что пошла на туески, бросовая. Ее ободрали, пестринки все естественные остались. Пятнистая береста, вроде и в дело не годится: где-то жуками изъедена, червоточинами, - бросовая. Но не выбросил ее мастер. Сделал изделие с росписью, заполнил пестринки красками, белая оплетка, решенная в современном варианте, подчеркнула при всей корявости материала особенную

красоту его. Оплетка, что белоснежный таежный снег на валежниках, горях, завалах. И роспись к месту села, и пестринки легли к месту.

- Работаешь с берестой - ощущаешь эту глыбу народную... ничего лишнего нет - ни убрать, ни добавить.

Вот она, мудрость рациональная. Здесь и бережное отношение к природе, и уважение к окружающим, потому что сделано людям на радость.

- труд размеренный, спокойный, с приятным материалом для рук... И вот работаешь - обо всем забываешь, обо всем. И хочется работать, работать, работать. И постоянно думаешь, размышляешь - вот что важно. Ведь жизнь, действительно, торопкая - так судит мастер о деле своем.

...Много встреч бывает в нашей жизни. Встретился мудрый человек - дал добрый совет. Разбегутся стежки-дорожки, а совет останется. А вот каждый ли может к сердцу своему прислушаться, к березе белоствольной, к травинке лесной? Не каждый...

А Юрий Михайлов прислушаться смог к доброму совету духа народного. Выбрала его душу мягкое тепло дерева. В сердце своем бережет его, чтобы другим людям дарить.

...Философию бересты познал.

ВОСПИТАНИЕ МУЗЫКОЙ

Ежегодно во вторую субботу февраля в рабочем поселке Мундыбаш - особенный праздничный день: школьный актовый зал заполняют ученики, родители, гости школы, в числе которых выпускники всех поколений детского оркестра народных инструментов, а на сцене - его нынешние участники. И тогда начинается музыкальный вечер по случаю очередной годовщины школьного оркестра. Несколько десятков лет повторяется этот трогательный, волнующий концерт-встреча. Со всех концов страны съезжаются в Мундыбаш люди самых разных профессий и возрастов. И только чрезвычайные обстоятельства могут их задержать. Более нет дел, которые не отложили бы оркестранты разных лет ради этой ежегодной встречи. Вот только теперь знаменательный традиционный концерт проходит без доброго учителя, друга, создателя и вдохновителя оркестра - Николая Алексеевича Капишникова. В 73 года его не стало. В память о нем вечер по-прежнему всегда начинается с произведения любимого, много значащего для коллектива, того, с которого открылся когда-то и самый первый концерт. Шуберт. "Музыкальный момент".

Без преувеличения всегда хочется добавить к имени Николая Алексеевича эпитеты - необыкновенный, удивительный. Необыкновенный человек, удивительный педагог. И при этом всю жизнь он боролся. Боролся за детей, за оркестр, за качество воспитания. И был так прост в общении и многогранен душой, что хотелось слушать его, внимать каждому слову, впитывать каждой клеточкой его мудрые советы. Бережно храню записи бесед с Николаем Алексеевичем. Но как бы время ни отдаляло моменты разговора с ним, по сей день такие простые слова учителя согревают, настраивают, лечат душу. Потому по мере возможности приведу некоторые его высказывания полностью, не меняя ни слова.

С чего же все началось? А началось с любви к детям, с сострадания и желания им помочь. И "Музыкальный момент" Шуберта стал первым подспорьем в начале этого огромного дела. Впрочем, Николай Алексеевич Капишников считал, что началось все еще и с нетерпения.

КАПИШНИКОВ: Конечно, с нетерпения...Понимаете, я приехал в школу после войны. То есть война еще шла, 45-й год... Офицер! Военный, подтянутый, в гимнастерке. Больше нечего было надеть. Вот только в

этом я и ходил. Время было страшное, послевоенное. Вот... И мандолина в руках.

А они - такие серьезные, дети, что вроде бы это и не дети. Вот так война на них легла: со всеми похоронками, тяготами физического труда, недоеданиями. В общем, кошмар! Надо оттаять их! И пошел я играть да петь.

А потом подсела ко мне учительница с гитарой. А потом еще, да еще - шесть гитар, одна мандолина. Нашли потом другие инструменты - и пошли, пошли. Я совершенно не думал о музыке. И, в общем-то, у меня никакой подготовки не было. Но нужда заставила. Они меня учили. Я их учил. Не знаю, кто кого. Ну у меня был багажик-то еще с института. Я музыку любил. Любил Шуберта, любил Чайковского, Глинку. Немножечко-то багажик маленький был. Наши выпускники, они и были моими первыми учителями.

Вот этот "Музыкальный момент" и был началом. Он же - и концом. Потому что это жизнь человеческая и есть музыкальный момент. Ее бы назвать так. Тут бы художника, чтоб запечатлеть... Были у меня позывы художественные: писал стихи, мечтал быть литератором... Но музыка взяла... Дети взяли... Вот к этому надо сходить, к этому. Этот бросил, тому плохо. Я как с утра вставал - шел,

шел, шел и вот сюда пришел. Не заметил: как за птичкой ходил - и жизнь прошла.

Я в институтском оркестре играл - и всего-то немного. И там мы начинали учить "Музыкальный момент". Вот он мне и понравился. Мы тогда ни разу и не выступили, мы его только репетировали. И партии-то я играл второстепенные там. Но как же мне это понравилось! И оттуда я его и понес. И потом мы его эксплуатировали все годы, в отпуск даже не отпускали. Другие произведения в отпуске побывали, а он ни разу. Все под нагрузкой - от сердца к сердцу.

Мы ведь шли без музыкальной школы, без единого специалиста-музыканта, вышли на международную арену. Но это не то, что взяли да вышли. Это пусть не звучит громко. Мы не хотели туда идти. И, в общем-то, отказывались, когда нас пригласили на девятую международную конференцию по музыкальному воспитанию детей и юношества. Так вот, с нашей грамотой и с нашим пониманием мы туда пошли. А как грамота делалась? Руководило произведение.

В своей книжке позже Николай Алексеевич написал: "Музыкальный момент" Шуберта! На него можно оглянуться с высоты любого возраста. С ним легко ассоциировать

детство. Вечная красота. Хочется думать о ласковом оранжевом шаре солнца, выкатывающемся из-за гор или выплывающем на горизонте из моря. Все в нем логично, соразмерно, завершено. Прелестно звучат голоса. Партии различных инструментов складываются просто, как детали детского конструктора. Он увлекает всех исполнителей. Оживает как волна. В нем естественны приливы и отливы, звуковые накатывания и спады. Для начинающего - это радостное открытие, для мастеров - постижение тайны..."

Начав с "Музыкального момента", Николай Алексеевич всю жизнь подходил к репертуару очень кропотливо, серьезно, ответственно, создавая в оркестре гармонию чувств и музыки. Не дай Бог, проникнет сюда фальшь, ложь. Здесь, в храме музыки, каким стал оркестр для коллектива, всегда царили лучшие из лучших произведений. Лучшие по красоте, глубине - те, которые только и способны будить и волновать душу нежного возраста. Ведь еще в детстве человек должен получить надежные крылья.

Это позже стало оркестру доступно многое. А ведь было время, когда играли на чем придется. На первый комплект инструментов зарабатывали ребята сами.

КАПИШНИКОВ: Мельницу я организовал, чтоб деньжонки были. Это ж 47-й год... голодное время. Мельница заработала. Какая активность родителей была! Вот они на быках, на коровах зерно везут. Присевали. Не хотели помирать с голоду-то. И сеять нельзя было, запрещали. Поселок рабочий. В тайге они раскорчуют, посеют. Привезут. А потом с других деревень повезли. И ко мне! А я царь! А царь я на один месяц был. Директор в отпуске, а я его замещал. Мельницу в это время организовал: и мельницей командовал, и школой командовал. Жернова крутились. И пошло дело. Директора соседних школ говорят: нам-то дай десять тысяч, у тебя ж есть деньги. Я отвечаю: Потапыч заругает, а то бы дал. Я в финансах не понимал. Вот так пришли инструменты. Легко никогда не было. Но тогда было больше вдохновения. Ребята... те ребята, о! Какие ребята! Так это и сейчас. Вот мы выступаем в Новосибирске... Они слетаются туда из Москвы, с разных мест. Узнали, что мы там. Просто солидарность. Встретить, проводить. Все наши бывшие ученики. Вот Саня, скажем, человек чина небольшого, власти у него мало. У него только сердце, у него - разум, чувство, дети. А у кого еще и власть. Вот в Новосибирске, напри-

мер, председатель самого крупного района. Есть у нас и такие. Из басового ряда все больше получают такие чиновники. Так вот, Витя Гурьянов, тем он интересен. У него секретарша там сидит (это ж крупное дело) - в приемную не всякий войдет. Когда ему звонят - он официально: - Гурьянов!

- А мы про оркестр...

- Про Оркестр! А что там?

Сразу меняет тон человек. Слетает все. Открывается только человек. И для нас идеалом является тот, кто испытан и не испорчен властью. Если он при большом чине, при большом положении остается человеком. Вот на таких мы испытываем - крепка или не крепка наша закладка.

В своих же заметках об оркестре Н.А. Капишников как-то написал: "Главная наша отрада в том, что мы работаем на возвышение человека. Преодоление многих препятствий на этом пути лишь увеличивает нашу радость и обостряет чувство победы. Мы уже не можем жить иначе, чем победно. Это уже становится постоянным желанием, перерастает в потребность, привычку, распространяется на все другие, немзыкальные, сферы деятельности - учиться, работать, жить победно! Каждая наша коллективная победа со-

стоит из 47 личных побед. Походы к большим радостям почти всегда связаны с отказом от личных удовольствий и развлечений. В этом предпочтении общественного личному - неплохая зарядка для воспитания воли, чувства долга, сознания. Жить надо радостно, красиво!".

На людях, выросших из оркестра, на их делах и поступках проверял учитель крепость закладки, богатство багажа, с которым вышли его воспитанники в жизнь. А что сами оркестранты? Как относятся они к той школе, что прошли в детстве? Несут ли по жизненному пути воспоминания о большой надежной семье, именуемой оркестром?

На момент встречи с Аникой Екимовичем Кирьяновым, тот уже более 40 лет председательствовал в совете старейшин коллектива.

Спрашиваю его: столько лет прошло как Вы занимались в оркестре Николая Алексеевича, и все с таким горением к делам коллектива относитесь... Что для Вас оркестр? Что он Вам такого дал не в музыкальном плане, а человеческого, душевного?

КИРЬЯНОВ: Именно он дает человечность. Общение вообще с Капишниковым дает удивительные плоды. А как с руководите-

лем оркестра, педагогом, литератором - вдвойне, если не сказать больше.

Вся душа моя, вся юность связаны с оркестром. Не помню, кто сказал: человек до тех пор жив, пока в нем живо детство. Детство и юность в оркестре отложили отпечаток на всю мою жизнь. Более того, они сформировали мировоззрение, его взгляд на такие качества, как обязательность перед коллективом, как отзывчивость, как готовность прийти на помощь к любому члену коллектива. Это одна сторона - нравственная.

А эстетическая сторона - это то, что сейчас, в условиях, когда огромный вал псевдокультуры валится на нашу голову... и он фактически подминает под себя значительную часть добрых начал в эстетическом воспитании молодежи. Оркестрантам это никогда не грозило... Я много ездил по стране по долгу службы, и практически во всех городах находил выпускников нашего оркестра. И встреча с ними - это всегда праздник. Словом, это главная часть моей жизни. Я много лет живу в Мысках. Работаю в техникуме. Совсем другой профиль, готовим специалистов для российской энергетики. Но душа моя в Мундыбаше. Я честно признаюсь - все в юности. В соответствии с тем, чему нас учил Николай

Алексеевич, слова Гоголя на жизнь пошли: забирайте с собой все лучшее из детских, юношеских лет. Не возьмете сейчас, не добудете потом... Эта истина идет со мной по жизни.

- Воспитание музыкой по Капишникову, это что такое?

- Воспитание музыкой по Капишникову, на мой взгляд, состоит в том, что... как, скажем, дуб корнями уходит глубоко в землю, могучий дуб, о котором в народной песне поется, и все другие дубы...- их сила в корнях, их красота - в кроне. Так вот, воспитание по Капишникову - оно основано на корнях русской народной, и не только русской - и украинской, и белорусской, и любой другой национальной, народной, коренной и классической музыки. Все классики, все мировые шедевры музыки - в основе воспитания по Капишникову. А вершится система его произведением Глинки "Иван Сусанин". С "Иваном Сусаниным" все выпускники оркестра идут по жизни.

КАПИШНИКОВ: Ведь меня-то учили музыке не профессора, а дети эти. Слава Пискунов пластинку "Ивана Сусанина" привез и говорит: "Ой, послушай-ка. Я когда засыпаю, она мне сходит как ангел, эта мело-

дия, на легких крыльях." Только он, только Сусанин... С него начать, он открывает все горизонты. Это корни, да какие же корни! Они же и питательны, они же и сладчайши! Они выпрямляют человека, и сердце образуют, и поворачивают прямо ко всему нашему народу.

Вот хоть и говорит Ушинский - запоет школа, запоет вся страна... А мне хочется добавить: смотря что запоет! Это так важно, что она запоет, важен вкус. Без музыкального вкуса нельзя по-доброму подходить к детям, потому что вкус - это художественное правосудие. Это ж - мир, ребенок, его понять надо! А вот вкус понять и поможет. Вкус - это не явление, привилегия общества только избранного, - художественный вкус - понятие. Пусть будет земным оно, и пусть будет помощником в работе. Каждый день - вкус, вкус, вкус! Для строителя, для художника, для педагога, для математика. "Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства", - и можно добавить - и нельзя входить к человеку, особенно в школу, без этих зачатков.

...Детский оркестр народных инструментов не может существовать без народных песен так же, как и без классических произведе-

дений. И те, и другие занимают в репертуаре капишниковского коллектива главенствующие места. Здесь не звучат шлягеры, низкопробная эстрада, потому что с первых занятий было установлено отношение к оркестру как к храму музыки. И это не поза, не принцип, - это вера, проникновение, искреннее почитание глубинной, народной красоты и мудрости. Может быть не все оркестранты сразу пришли к такому видению музыки, но позиция их одиозна и категорична.

За несколько встреч с Николаем Алексеевичем так и не нашлось момента поговорить неторопливо - порассуждать, поразмыслить в тишине долгого вечера. Потому приходилось использовать любую возможность расспросить его, порой чуть ли не на бегу. Слишком уж заполнена всегда была жизнь педагога - детьми, музыкой.. В одну из очередных мимолетных встреч пристаю с вопросами:

- Николай Алексеевич, неизбежно наступает такой момент, когда Ваши воспитанники подрастают и покидают оркестр. И, по сути, Вам приходится начинать все заново. Что чувствуете в такие моменты?

- Тут сложное очень чувство. А первое - это потеря, это грустно. Второе - это как по-

полнить его? В труде и тревоге каждый год. Ушли десятиклассники - и снова нет оркестра. Попробуй-ка его восстановить. О какой концертной программе может идти речь? И все-таки, скрепя сердце, в первый же вторник сентября собираешь ребят и начинаешь занятия... В самом деле - дуешь, дуешь, а костер не разгорается. Вроде бы все в нем отсырело. Снова дуешь, подавляя в себе скорбь от сознания огромной потери. Вдруг вспыхнет что-то. Еще не разгорелось как следует, а ты уже думаешь о выступлении и усаживаешь коллектив на сцене. Сами еще не зажглись по-настоящему, а пытаемся других согреть.

Ну и главное, наверное, они идут в жизнь. Вот это бодрое чувство. Это хорошее. Они идут в жизнь, будут в какой-то мере по городам продолжать дело, по селениям.

- С чем идут в жизнь Вы уже знаете...

- Это багаж. Вот груз вроде бы и невеликий, но не войдет ни в один чемодан. Его надо в сердце нести и отдавать в сердце же людям. Мне хотелось, чтобы всем, где будут наши ребята, тому обществу, окружению их, было теплее оттого, что наши представители там. Пока во многих случаях такие надежды оправданы.

- Много еще таких оркестров, которыми

руководят Ваши воспитанники?

- А в разное время по-разному по стране. Бывало, до 30 доходило. Но ведь не только в этой форме они продолжают наше дело: популяризируют серьезную музыку, организуют встречи с выдающимися мастерами искусств в разных местах. За это мы даем им премии оркестровые на нашем торжественном вечере. Ежегодная премия.

- Откроете секрет, кому она будет в этом году вручена?

- В этом году... нет, таких секретов мы не открываем. Это всегда момент таинственности. Его никто не узнает, никто даже не предполагает. Настораживает публику. Пытаются гадать: вот этому, этому - перечисляют. Но редко угадывают. Но я Вам скажу, за что это дается. За укрепление семьи. Матерям нашим: у них уже дети. За воспитание детей - нравственное, эстетическое. Есть у нас такие великолепные примеры, образцы, за пропаганду музыки серьезной, за участие в таких коллективах. Вот Александру Бублик уже была премия, когда он в армии организовал ансамбль народных инструментов. Наши премии идут в армию, во флот, в студенческие аудитории, в производственные коллективы. Были и такие случаи, когда наша премия вру-

чалась капитанам корабля дальнего плавания, потому что матрос там нашел время и место для русских песен, оркестра.

- Николай Алексеевич, если ребенок хочет быть в оркестре, но способностей у него нет, берете такого ребенка?

- Мы берем всех, кто к нам идет. Вот и тут ведь, в нашем коллективе, не все хорошо играют. Кто-то просто не играет. Но мы видим, что ему здесь хорошо. А раз ему хорошо, зачем сделать ему плохо? Ему хорошо, значит и нам хорошо. Мы ведь не профессионалы. И поэтому главное для нас, чтобы им было хорошо. Вот на этот случай Кабалевский (мы всегда о нем помним, это наш лучший друг. Двадцатилетняя дружба связывала нас с ним. До самого последнего дня оставался он верен этой дружбе), так вот он говорил: "Если бы для вас главной была музыка, а не дети, то и музыка от этого могла быть хуже. А когда главное - дети, то и музыка от этого выигрывает."

- А секрет долголетия вашего оркестра откроете?

- Соединение добрых чувств, вызванных музыкой, с добрыми чувствами, вызванными у ребят помощью нуждающимся, инвалидам, немощным. Вот это два крыла, две програм-

мы. Они соединяются в одну в нашей жизни. Вот это дает устойчивость нам, нашему кораблику на житейских волнах.

- На одном борту Глинка, Чайковский, а на другом – бабушка Надя? Это составляет единое целое?

- Так это и называется - жизнь. У нас есть подшефные бабушки. Мы к ним ходим. Стараемся почаще навещать их. Снег убираем, моем пол.

Вот так неразлучны в оркестре самое высокое искусство и самая обыденная жизнь. И именно поэтому есть, с чем идти потом по жизни его воспитанникам. Они прошли здесь школу познания прекрасного, школу труда, школу милосердия.

Для Александра Ивановича Бублик, одного из выпускников, а ныне руководителя оркестра народных инструментов Кузбасса, коллектив Капишникова это единство – самое главное в его жизни.

БУБЛИК: Что по-человечески дало? Сейчас время другое. Мне кажется, есть какая-то ущербность у многих людей. Она в чем проявляется? Умение чувствовать, отвечать на чувства, сопереживать, сочувствовать - быть милосердным. Это я ничего нового не говорю. В Мундыбаше – это было известно – в

оркестре. Вот бабушка Акулина, которую не оставили без помощи. Это же милосердие. Поездка в дом престарелых - это милосердие. Не пускают родители на репетицию по осени, когда надо картошку копать - оркестр идет помогать, чтобы быстрее выкопать картошку, чтобы человек на репетицию пришел. Это ведь взаимовыручка. А там это было всегда - ощущение взаимоподдержки. Там, по себе знаю, совершенно неформальное самоуправление. И все выпускники поныне связаны с мундыбашским оркестром. Мы счастливые люди, счастливые! Я был бы очень счастлив, если бы мои дети побывали в той школе. Там атмосфера радостная. Мы ведь деньги пытались зарабатывать на нужды школы, пути расчищали железнодорожные, липу, кедр садили в тайге. Это было счастье. Как учителя, я очень высоко ценю Николая Алексеевича. Это редчайший учитель. Я до сих пор поражен одним наблюдением. Он учитель без упрёка, то есть не упрекающий учитель. Ну найдите не упрекающую жену, мужа... Не упрекающий учитель! Я от него никогда не слышал упрёка. Сам я этого делать не умею. Умом понимаю, а делать не умею. Он никогда не ставил ребенка в ситуацию, когда тот унижен. Я уж не говорю о

доброте его... А от этого многое идет.

Действительно... Удивительное качество учителя - никогда и ни в чем не упрекнуть своего ученика, не сорваться, не повыситься голоса. Лично я такого учителя не встречала. Видимо, не повезло.

Оркестранты многих поколений нашли такого человека в лице Николая Алексеевича. И не потому, что Капишников – наставник с крепкими нервами, железной выдержкой. Нет, здесь дело в необычном такте, мудрости воспитателя. Педагог! Настоящий педагог по призванию, а не только по профессии, как это зачастую бывает...

Не только моральную, нравственную закалку получили в оркестре его участники разных лет. Для многих Николай Алексеевич Капишников стал еще и примером искреннего воспитателя, педагога, определившего их профессию. Так, например, случилось с бесменным председателем совета старейшин оркестра Аникой Екимовичем Кирьяновым.

КИРЬЯНОВ: Это удивительное его качество педагога. Я всю жизнь педагогом работаю. И только под его влиянием я им стал. Человечность, чуткость, ласковость - у него эти качества собраны в лучшем варианте. За все годы общения с ним я ни разу не слышал, чтобы

он повысил голос на кого-то. Вот палочку дирижерскую он ломал в первые годы. Но это, так сказать, отвлеченный гнев, не адресованный конкретно ни к кому. И его любовь к детям безгранична. Мы говорим о Сухомлинском, Макаренко, много у нас знаменитых личностей в педагогике. Капишников - не знаменитость, более того, народное образование его так и не признало. Да, он "Заслуженный работник культуры РФ", культуры, а не образования.

- Вам приходилось бывать на его уроках литературы?

- Конечно. Я немного учился у него литературе. Литератор он тоже удивительный. Ему не сладко жилось как педагогу. В частности, потому что он не признавал часто официальных программ, спущенных наробразом. Он видел в них много формализма - того, что противоречит его натуре - педагогической и человеческой. Вот, скажем Пушкина, как он давал... Он входил в наши души совершенно с другой стороны. Самое сильное качество, на мой взгляд, как литератора было в том, что он наизусть нам читал очень много. Он Пушкина знал почти всего наизусть. Он читал наизусть целые главы Толстого из "Войны и мира". Толстой, например,

у него звучал так: «Что такое Толстой? Это писатель, который не мог молчать. Он не мог молчать про трагедию Анны Карениной, не мог молчать про трагедию войны». Пушкин в его уроках выглядел величайшим патриотом Родины. Словом, литература в изложении Капишникова - это и воспитание патриотизма. Это воспитание человечности. Это открытие души прекрасному. Сожалею, что очень мало у него учился.

Как горько сознавать, что настоящие сподвижники, новаторы, педагоги по призванию - они все, как правило, долго бьются о стену равнодушия, намеренного непонимания, стену, накрепко воздвигнутую завистниками, бюрократами. Довелось встретиться с такой стеной и Капишникову во времена учительствования в сельской школе. И хоть много продолжателей, верных учеников у него, влиять на их выбор, толкать на путь просветителей он не хотел никого. Выбор такой может быть сделан только самостоятельно, однажды и -навсегда .

КАПИШНИКОВ: Путь этот тернистый. Тут розы - не знаю, где они будут и где они есть. А вот шипы от них везде. Конечно, удовлетворение тоже есть. Но главное в этой профессии - сочувствие. В жизни, в искусст-

ве. Отнимите у искусства сочувствие - и не будет искусства. Отнимите его у человека - и не будет человека, и не будет педагога, никого не будет. Сочувствие и вкус - это не роскошь. Это наше рабочее, каждодневное оружие в идеологической борьбе за человека. Художественный вкус - это постоянный внутренний зов к высокому качеству любого труда, к духовному обогащению личности... Я не музыкант совсем. И понял давно... мое-то счастье в чем состоит, что я давно понял, что к литературе нужна сестра - музыка. Она бы ее углубила, и она открыла бы ее дополнительные грани, в этой литературе. Чайковский. Пятая симфония. Это ж Достоевский. Или беру эту симфонию ("Жалоба" - это называется), там плачут скрипки... А у Толстого, например, беру портрет княгини, жены Андрея Болконского - вот выражение ее лица, как будто она говорит: "Ну что я вам сделала? За что вы меня мучаете?" Жалоба идет симфоническая. Потом старик Болконский взглянул на нее в церкви (уже она лежала в гробу) и отпрянул, испугавшись, как будто она ему сказала: "Ну что я вам сделала?" Вот эта фраза у Толстого повторяется много раз. Ну это же его прием... Это Толстой. И когда я дам на уроке эту симфонию, как же она уг-

лубляет. Толстой без нее глубок... Но как же Чайковский его углубляет! Так же и Раскольников, и других героев Достоевского...

Литература, музыка, жизнь, милосердие. Для Капишникова все это было единым целым. Да и не могло, наверное, быть иначе. Наша жизнь дает основу музыке и литературе, а те, в свою очередь, помогают нам жить. Только одно, - когда это красивые слова, и совсем другое, - когда это дело твоей жизни, искреннее, настоящее.

Еще большее счастье - встретить на своем пути такого учителя, друга, наставника, который даст тебе твердую землю для опоры и крылья для полета души. Такого, как Николай Алексеевич Капишников.

КУРТУКОВСКАЯ СКАЗКА

Дорога круто повела из леса под горку, и наш УАЗик выскочил в подернутую дымком низину, похожую на чашу, наполненную парным молоком. Выстроившийся вокруг нее хороводом лес казался строгим и молчаливым, словно страж в карауле. Зато впадина наполнилась деревенским гомоном - верным признаком неумной сельской жизни: лаяли собаки, кричали петухи, поскрипывали калитки. Это и есть Куртуково. Увидев его и не вспомнишь, что село это почти что в черте задымленного Новокузнецка. Сказка да и только!

Но оказалось, что до самого чуда еще не доехали. Оно притаилось за клубными дверьми. Яркое, солнечное, молодое, звучное. Оно пело и звенело всеми своими красками. Вот где настоящая сказка, театр, зрелище. Развернулось оно на неровных, местами потрескавшихся стенах старенького неказистого клуба.

Здесь, в далеком сибирском селе ожили Палехские лубочные картинки. Их создал Захар Михайлович - муж Валентины Федоровны Акбашевой, к которой я и спешила в гости. Отныне она здесь директором клуба. И

хоть не готов еще тот распахнуть двери после ремонта, она волнуется, суетится, придумывает, мечтает. Хочется ей, чтобы здесь чуть ли не круглые сутки было шумно и весело.

На момент нашей встречи Акбашевы только-только приехали в село. И Валентина Федоровна загорелась вдохнуть новую жизнь в незамысловатый очаг культуры, что зовется в деревнях просто клубом. Всю жизнь работала с детьми и взрослыми – учила музыке, руководителем хора была, а вот директором клуба - не довелось.. Приехала семья из Палеха, и поначалу немного угнетали суровые сибирские краски. Захотелось чего-то яркого, солнечного. Может поэтому первое, что сделали в Куртукове, - раскрасили стены клуба, расписали яркими красками, "развеселили". Удивили местный народ и порадовали. Поводились куртуковцы для начала просто стены рассматривать.

Бабушка пришла старенькая и говорит: "Ой, какая красотища! Да что-то у тебя, Захар, щеточка-то больно маленькая. Как ты ей рисуешь?" – вспоминая, смеется Валентина Федоровна.

Сама она в Палехе жила с двадцати лет, а вот к пятидесяти решила перебраться в Сибирь, поближе к сестре, Алевтине Федо-

ровне Фомченко, о творчестве которой тоже умолчать невозможно. Но это чуть позже. А пока Валентина Федоровна учит меня палехские росписи рассматривать:

- Сказку сразу не рассмотришь. В нее вникать надо, додумывать, погружаться, наблюдать рисунки долго. Вы не думайте, что это что-то искусственное. Это естественное. Это потребность души человека. Человек к этому шел веками. Искусство это пришло от богомазов. Оно через душу, состояние, эмоции пропущено.

Глядя на картинки, которыми стены расписаны в Куртукове, хочется напевать что-нибудь тихонько, нечто давнее, протяжное, от чего сердце щемит, или задорное, залихватское, как частушка. Вот и у сестер такое же чувство. Не разобрать – под музыку роспись рождается или от красок этих петь хочется. Валентина Федоровна рассказывает, что частенько они затянут одну песню на разные голоса, и остановиться потом не могут, пока все любимые не переберут.

С Алевтиной Федоровной Фомченко мне хотелось познакомиться давно. Тем более, что наслышана была о ее неординарном творчестве. Но случай свел лишь теперь, когда узнала, что они с Валентиной Федоров-

ной - родные сестры. И не знаю, какого родства здесь более: кровного или душевного... Настолько одинаково загораются они в творческом порыве - песня ли это, выдумка ли, изображение. А в итоге - все это та же сказка. Сказка, к которой, быть может, стремились всю жизнь и с которой теперь ни за что не хотят расставаться.

Алевтина Федоровна - инвалид, ей сложно передвигаться. Но жизнь ее настолько заполнена, что горевать некогда, да, к слову сказать, и особенно не о чем. Потому как она счастлива в своем творчестве. Куда страшнее оказаться инвалидом душевным, а таких, к сожалению, немало. С утра, чуть свет наполнит комнату новокузнецкой маленькой квартиры, Алевтина Федоровна берет в руки кисть: то шкатулку расписывает, то брошку, то куклу, сделанную ее же руками. И становится настолько счастлива, что даже стесняется своего душевного озарения. Кажется ей, что времена не столь легкие, чтобы так открыто радоваться. Потому напевает за работой тихонько (не всполошить бы соседей). Чаще других приходит в голову любимая песня мамы:

- Ой, ты дорога, ты дорога,
Ты дороженька дугой.

Расскажи ты мне, дорога.

Где теперь любимый мой?

Костромской области песня, далекая по времени, а теперь и по расстоянию, но близкая душе. Так и мурлычет в такт движения рук, занятых живописью. Отчего-то художники в большинстве своем народ такой - музыкальный. Они и музыку чувствуют, и краски.

И вот ведь одарила судьба сестер сполна: и поют, и рисуют, и мастерят. А родители, "люди простые", специально их ни чему такому и не учили. Росли девчонки, словно сами по себе. Но еще маленькими бегали к 92-летней бабушке, что лежала больная на печи, песни ее слушать. Да чтоб не забыть, записывали. Так, на всякий случай. Отец девчонок не понимал: откуда у малышек пристрастие к фольклору старинному? Однако и сам петь любил. И его не все понимали, тоже гадали: откуда у работяги из захудалой деревеньки пристрастие к опере? А тот, слов не зная, лишь мелодию напевает с утра до вечера, оперные арии. Да и мама с удовольствием пела. Вот она, атмосфера семейная. Чему же удивляться, впитали ее сестры, надышались так, что на всю жизнь хватило. И поныне творчество для них - отдушина. А для тех,

кто рядом - сказка. Алевтине Федоровне создавать ее несложно:

" Я же из села Палех,- говорит. Там училась, там работала в мастерских. Там же каждый день рисуешь сказку. Берешь шкатулку, брошку. Сегодня это "Аленушка», завтра - "Аленький цветочек". Там каждый день - сказка."

Особо дорого Алевтине Федоровне Фомченко портрет сибирского самобытного художника Ивана Селиванова, написанный ею с любовью и тщательностью. В него она вложила и свое отношение, и передала тот наив, ту откровенность широко открытых глаз, с которой Иван Селиванов смотрел на мир и отражал его на своих полотнах. И думается художнице, что мир этот, увиденный глазами Селиванова, близок очень ей. А работы его близки по технике, по манере исполнения. И когда ее спрашивают, не жалеет ли, что приехала в Сибирь, искренне удивляется: "Как жалеть, если здесь я встретила с Селивановым? Мне со своей живописью было трудно на Западе... Смотрели и говорили: - что-то интересное, но живопись ли это? - А тут Селиванов... И цвет, и линия - роспись".

Смерть Ивана Селиванова Алевтина Фе-

доровна приняла так близко к сердцу, что в одночасье написала портрет его, с любовью отразив тот внутренний свет, которым был наполнен и сам человек, и полотна его. Она вообще пишет портреты только близких людей – друзей, педагогов своих, родных. Один из них - Вакуров, палехский художник, старый иконописец. Есть и портрет Достоевского. Как иначе? Место-то какое? Здесь же ступала нога его – в Новокузнецке. И сама удивляется: можно сказать, личность где-то демоническая, а в портрет сказка какая-то вмешалась. Что это? Профессиональный наив, может? И сама с собой спорит: а как без сказки, если у Достоевского здесь сказочный момент в жизни был, здесь, в Кузнецке, была свадьба его...

В Палехе Алевтина Федоровна училась прикладному искусству, затем театральному художеству, затем живописи. И в любое свое творение привносила сказку. До сих пор применяет все приемы древнерусской росписи, иконописи. Искренне считает, что один реализм – это скучно и слишком обыкновенно.

С особой нежностью сестры относятся к куклам. Сотворенные руками Алевтины Федоровны, куклы верно служат и помогают в нелегкой клубной работе сестре - Валентине

Федоровне. У каждой из кукол свой, яркий характер: есть простодушные и наивные, есть разбитные и лихие, есть и капризные, обидчивые, добродушные... Но нет злых... Добрые все. На то и куклы. Ведь в них частичка детства. А с детством связано все самое лучшее. Кукольная дружная семейка растет быстро. Творит А.Ф.Фомченко без устали. И хорошо знает всех. Иначе как бы смогла угадать в каждой индивидуальный характер? Это только кажется, что можно любой характер придумать. Нет. Его, прежде всего, надо знать. Тогда он выйдет. И не догадаешься, глядя на все это кукольное семейство, что профессия художника-кукольника весьма тяжелая. И времени много требует, и терпения, и настроения, и тонкости в создании характера. Образ в целом должен быть представляться. Тут подспорье большое в том, что Алевтина Федоровна портретист хороший. Хотя трансформировать эти навыки в кукле не просто. Потому пришлось и этому делу подучиться. Окончила Ленинградский театральный институт по специальности художник - скульптор театра кукол. Профессионализм - прежде всего, - считает. Он независим от видения: наив это или реалистичность - первым делом ответственность за свои творения.

Планы и по сей день у сестер большие. Хочется успеть воплотить все придумки, коих великое множество. И верится: так оно и будет. Сказка, живущая в душе, оживет еще не раз и придет ко всем, кто живет рядом. Ведь все, что они делают - от любви к людям и искусству. И еще от доброты. Потому и осуществляется их давняя мечта - живет в сибирском селе сказка.

МИР В КРАСКАХ И СТИХАХ

Маленькая уютная мастерская юргинского художника Николая Николаевича Черкасова находится прямо в квартире и располагается в одной из комнат. Впитывая терпкий запах красок, масла, скрывает от постороннего глаза таинство появления на свет удивительно светлых, солнечных полотен мастера. Хозяин мастерской не менее колоритен, чем его картины. Чуть озорные, молодые глаза выдают в нем человека энергичного, умеющего радоваться каждому мгновению, а белоснежная борода придает его облику некую степенность и мудрость. Ничто при этом в Николае Николаевиче не подчеркивает возраст. А ведь исполнилось ему семьдесят семь. Видно, молод душой. Да и работы, задумок так много, что стареть времени нет.

Нынче год для него юбилейный. Сорок лет тому назад создал он в Юрге народную изостудию "Радуга", которая и поныне живет и расцветает, объединив под своим крылом и малых, и именитых уже художников. Это особая гордость мастера.

- В творческом объединении где-то сорок человек, - рассказывает, - может больше немножечко. У нас все время держится по-

рядка 50 - 60 - 40 человек. Потому что уезжают некоторые, а другие подрастают из изостудии дома пионеров и идут уже к нам, в нашу народную изостудию. Некоторые едут учиться, потом, окончив училище художественное, возвращаются в Юргу и работают у нас здесь. Вот многие из моих воспитанников получили образование художественное и работают в художественной школе преподавателями. Директор Владимир Федорович Толпыга - он тоже занимался у меня в изостудии.

- А самому-то довелось учиться или все из души только?

- Знаете, я же прошел со Вторым Украинским фронтом всю войну. И, когда закончилась война, мы дислоцировались в Одессу. В Одессе я был секретарем комитета комсомола отдельного автотранспортного батальона, и у меня было свободное время, чтобы посещать вечерние классы Одесского художественного училища. И вот, в августе 45-го года, я сразу туда пошел, поинтересовался и меня приняли. В январе 47-го я демобилизовался. Меня оставляли в художественном училище, но я так стремился попасть на родину, ведь столько времени прошло... Бросил, жалею. Можно было остаться в Одессе,

пожить, окончить это училище. Но я там фактически только полтора года проучился, а потом уже в Красноярском пединституте я учился на художественно-графическом факультете. Окончил. Так что у меня образование высшее художественное, педагогическое. И сорок лет я учил детей и взрослых изобразительному искусству.

- На курсы пошли, ведь какой-то толчок был... Значит, Вы уже были готовы к тому, чтобы учиться...

- У меня дядя мой, мамин брат был художником. Он шелка расписывал. И вот однажды, когда мне было семь лет, он мне подарил альбомчик и красочки. Сам нарисовал на первом листе мужичка с лошадьёю, запряженной в розвальни, ветряную мельницу. Все это раскрасил.... Я, как зачарованный смотрел круглыми глазами, мне так интересно это было. И с тех пор я заразился и стал сам рисовать, рисовать... И вот, помню, уже в школе, когда я учился в первом классе, мой рисунок был в школьной газете. И там я стихи... Я стихами тоже увлекаюсь очень. Пишу много. Написал тогда: "Ах ты зимушка-зима, кружевная бахрома. Снежная, пушистая, светло-серебристая"... что-то такое, в этом роде. Помню, сочинил такой стишочек

и этюдик написал - эту зиму. И вот с тех пор я все время рисовал, рисовал, рисовал...

Вот ведь что может означать в судьбе случай. Маленький подарок сыграл огромную роль в жизни Николая Николаевича.

С тех самых пор он шагает по жизни вместе с живописью и поэзией. Кто знает, может быть так или иначе пришел бы к этому все равно, но, возможно гораздо позже. С бумагой и карандашом был не в силах расстаться даже на фронте. Вот она, сила искусства. Завораживает, помогает, сопровождает.

- На фронте сотрудничал в окружной газете "Защитник Родины", туда делал зарисовки и стихи писал.

- На фронте-то непросто... Это надо было и бумагу найти, и карандаш.

- Да, там, знаете, конечно, на фронте только, когда передышки какие-то были... Но когда мы зашли в Чехословакию, в Австрию, в Венгрию, там уже в этом отношении не было проблем. Много было бумаги и красок. Я даже оттуда привез кое-что, когда уже уезжали.

- Рисунки какие-то сохранились?

- У меня целый чемодан был рисунков и стихов. Этот чемодан я оставил у одной знакомой, а потом долго-долго не появлялся там, приехал, а она уехала. Уехала куда-то в

Ставропольский край. Те люди, которые там жили, говорят: нет чемодана этого. Так они и затерялись.

- Большая потеря ...

- Да, конечно. Мне жалко так было. Ну ничего.

Будет несправедливо не сказать о человеке, который вот уже 50 лет как во всем помогает Николаю Николаевичу, вдохновляет, когда-то чуть-чуть критикует. Это его супруга Зоя Степановна. Вот и сейчас она тихонько примостилась рядом, пока мы неторопливо беседуем с художником. Но в разговор вступает неохотно. Больше молчит, лишь одобрительно улыбается, любуясь привычными глазами полотнами, занимающими все жизненное пространство небольшой квартиры. Потому рассказывает обо всем хозяин дома.

- А с Зоей Степановной как познакомились?

- С Зоей Степановной, а это в Темиртау... Я был туда направлен районным отделом образования в школу преподавателем черчения и рисования, а она работала заведующей детской поликлиникой. И там как раз интересно получилось, что моя бывшая учительница, у которой я еще учился в 5-7

классе , тоже там работала. И она нас познакомила. В общем, сосватала нас. И мы так с ней поженились. Вот так живем.

- А на фронт вы откуда уходили?

- На фронт я пошел добровольцем, в Сталинскую дивизию сибиряков, которая формировалась здесь у нас в Юрге. Тогда она 150-я была, но на фронт я попал в августе 42-го года под Сталинград со 115-м стрелковым сибирским полком. И вот уже под Сталинградом у меня было боевое крещение. Там ранило меня. Там же, в декабре 42-го, попал в госпиталь, вылечился, в марте месяце выписался, попал в нашу 303-ю сибирскую дивизию. Здесь нас 9 однополчан из Юрги. И так вот воевал. Ранен был, контужен на Днестре, попал под бомбежку, переправлялись через Днепр. Потерял зрение, речь, слух... Вылечился. В пятую воздушную попал армию, освоил шоферское дело, был командиром отделения шоферов. А в 303-й дивизии я был командиром отделения разведки, ходил на поиск. Ходили в тыл, взрывали мост. О войне я могу рассказывать бесконечно. Это много, много, много впечатлений осталось, потому что она выпала на самую мою юность. Вся моя юность прошла... Вот считайте, 18-й год был - пошел я, а вернулся - 23 года было. Вот вам пожалуйста.

- Николай Николаевич, на войне - то рисунки были подстать обстановке - черно-белые?

- Да вы знаете, я на войне делал зарисовки в основном портретные. Своего командира, своих однополчан: пулеметчиков, разведчиков...

- Я к тому говорю, что там-то и обстановка такая, и атмосфера такая. А я смотрю, по вашим работам, вы любите яркие, солнечные краски.

- Я люблю пейзаж. Я давно уже, можно сказать, лет 20 как увлекся пейзажем и пишу пейзаж. Я прошел весь Кузбасс. По Кузбассу ходил - и в Горной Шории, и в Междуреченске был, и писал здесь этюды с ребятами. В Саянах был, на Алтае был, в Казахстане... Много этюдов. Мы привозили каждый год этюдов с практикумов по 25-30. И вот этот материал накапливался. А сейчас я на старости лет уже не могу совершать такие поездки, потому пользуюсь старыми этюдами, зарисовками.

- И воду любите, по-моему, да?

- Люблю и воду. Воду люблю, конечно. Осень люблю... Пишу, допустим, с натуры этюд и у меня рождаются стихотворные строки - и получается два этюда. Один - в стихах

этюд, один - живописный.

- Как совмещаются они в живописи? Помните, Чюрленис, тот мог изобразить музыку и стихами нарисовать... У вас, я смотрю, тоже не идут параллельно поэзия и живопись, они у вас совмещаются...

- Да, действительно, они дополняют друг друга.

Перелистываю сборничек стихов Николая Николаевича, и сразу же попадаются строки, отражающие суть его творчества:

Бумаги лист - окно в пространство,
В котором трепетной рукой
Художник пишет мир земной -
Природы пышное убранство.
В разводах легкой акварели
Картина словно ожила,
Как будто краски песню пели,
И нежно музыка плыла.
В волшебном таинстве искусства
Этюд рождается в тиши,
Передавая мысли, чувства,
Посредством красок и души.

Очень много стихотворных строк о войне. В семьдесят лет выпустил Николай Николаевич свой первый сборничек. А вообще написаны многие тетрадоочки мелким аккуратным почерком. Здесь и о России-матушке, и о

природе, о творчестве, о сути бытия.

С трудом помещаются в маленькой “хрущовке” и его картины...

- Николай Николаевич, а картины из вашего дома куда уходят? - интересуюсь.

- Появилась возможность реализовать, продаем помаленьку подешевке, лишь бы оправдать материал. По выставкам многие.

- Это ж все равно, что с дитем расставаться...

- Ну а как же. Они вот зарабатываются, зарабатываются, а потом знакомые часто приходят, у кого-то день рождения, кто-то квартиру новую получил. Звонят: есть что-нибудь? - Ну приходите, посмотрите. Торга-шом заделался.

- А есть такие работы, с которыми много лет не расстаетесь? Не отдадите никому?

- Есть такие работы. Знаете, в основном это этюды, которые непосредственно написаны с натуры в дорогих сердцу местах. Вот эти я не продаю, конечно.

- С которыми связаны воспоминания какие-то?

- Ну конечно. Они служат мне материалом для создания других картин. Я часто бывает, по одному этюду две картины напишу. Состояние меняю. Допустим, солнечный

пейзаж могу превратить в пасмурный, туч нагоню туда и...

Должна сказать, "тучи нагоняет" художник весьма редко. Его полотна притягивают жизнерадостностью, настроением, солнечностью, яркими осенними переливами красок. Вот и в собственном доме они наполняют светом и теплом всех обитателей, заряжают жизненной энергией гостей.

Немногословная супруга художника улыбается, скользя взглядом по домашним полотнам...

- Зоя Степановна, у вас есть какая-нибудь любимая работа Николая Николаевича?

- Да много таких работ. Все с водой. Были кавказские картины.

- Доводилось когда-то вместе быть, наблюдать сам процесс создания этюда, рядышком посидеть, когда Николай Николаевич пишет?

- Да нет.

- Не берет?

- Я сама не хожу, потому что ему придется сидеть на одном месте долго. А мне что делать?

- То есть, вы уже видите большей частью готовые...

- Я смотрю то, что он уже принесет, смот-

рю то, что напишет. Ну и критикой занимаюсь.

- А как воспринимается?

- По-всякому. Иногда соглашается со мной, иногда не соглашается, оставляет так как написал.

- Наверное, то, что здесь в доме, это в большей мере то, что Вам пришлось по душе?

- Нет. То, что по душе пришлось, слишком много. Все здесь не развесишь.

- Я очень благодарен своей Зое, - вступает в разговор хозяйин дома, - за то, что она мне в жизни создает все условия для творчества. Всю жизнь, сколько мы с ней живем, она всегда мне помогает в этом деле.

- Николай Николаевич, я заметила, что вы оптимист, и всю жизнь вы с детьми. Учите их писать, рисовать...

- Сейчас уже я давно перестал, и то, как говорится, с детьми мне общаться приходится каждую неделю. Меня куда-нибудь приглашают на встречу с учащимися. Всегда я встречаюсь с молодежью. Мне очень радостно это. Очень приятно.

- Много ведь ребятишек через ваши руки прошло, которым вы показывали, как поймать свет, как кисть правильно держать. А

вообще можно этому научить? Видеть и передавать...

- Я вам скажу: научить быть художником невозможно, нельзя. Это должна быть божья искра в душе, а научить рисовать, делать скульптуры, чеканки делать, прикладное искусство - это всему можно любого человека. Я пришел к такому выводу, что в каждом ребенке эти начала заложены, их только надо развивать. И он будет замечательно и рисовать, и будет много оформителей, декораторов очень много. Я вот встречаю много своих учеников... Даже работают хирургами. И мне Гуженцев говорил как-то раз, встретился: - Николай Николаевич, вы знаете, как мне помогает то, что я учился в школе! Я скальпелем работаю как кистью, как карандашом, я чувствую, я вижу... Вот что дает. Инженеры, архитекторы.

- И, наверное, появляется возможность поиному взглянуть на все, что вокруг нас.

- Конечно, конечно. Вы знаете, почему Япония так активно развивается в промышленном отношении, потому что там рисованию, и вообще, изобразительному искусству очень много внимания уделяется. И они не зря это делают. Потому что развитие творческого воображения, пространственного мыш-

ления как раз закладывается в самом детстве.

- А как эту божью искру разглядеть в ребенке можно?

- Вот врачи говорят - не навреди. Тут тоже надо быть очень осторожным. Надо внимательно. Были случаи, когда через мои руки проходили ребята очень одаренные, а в дальнейшем не стали художниками. А были случаи, когда заурядный вроде бы, а потом, смотришь, увлекся сильно. Надо главное, разжечь в душе желание творить. И если сумеет преподаватель сделать это, то результат хороший будет.

- На сегодняшний день часто кисть в руки берете?

- Я редкий день не пишу. Я пишу все время помаленьку. Но теперь уже на основании этюдов, иногда какая-нибудь фантазия. Вот часто мне снятся цветные сны. И вот вы понимаете, некоторые работы у меня, они сделаны в результате этого сновидения. Я просыпаюсь и думаю - интересно все это было. Попробую изобразить. И начинаешь фантазировать. И получается что-то. Не всегда так.

В тесной мастерской Николая Николаевича горы этюдов, набросков. Многие дожидаются своей очереди, отлеживаются, на-

питываются эмоциями... Все они не оставляют в покое мастера, тревожат память, вмешиваются в сны, заставляют творить непокладая рук... И не дают стареть... А если и отпускают на короткое время, только для того, чтобы родились другие штрихи - стихотворные.

Легла на сердце сладкая истома,
Я посетил родимые края.
И у родного старенького дома
Я кланяюсь тебе, земля моя.
Пахнуло детством под знакомой крышей
Тут на ступеньках ветхого крыльца.
И грудь моя как будто чаще дышит,
И слезы катятся с усталого лица -
То слезы по утраченным мгновеньям
Не воскресить уже былого вновь,
Что берedit мое воображенье,
Терзает душу и волнует кровь.
Здесь в этом доме пряно пахло хлебом.
Лампадкою, мерцающей в углу
Луна в окно светила ночью с неба,
От рамы тень скользила по столу,
Мурлыкал кот, в постели теплой нежась,
Скрипел сверчок под лавкой у печи.
Как странно: запахи и звуки те же,
Хоть старость в дверь ко мне уже стучит.
Я не утратил свежести былого

Мне дорог край, в котором я рожден.
И знаю: места нет еще другого
На свете для меня родней, чем он.
И хочется, стряхнув года, умчаться
В рань непорочных, детских,
светлых грез.

И с радугой цветною повстречаться
На берегу под кронами берез,
Где на песке под слоем лет минувших
Остался след босых мальчишских ног,
И где теперь стоит старик, вернувшись
Через пучину всех земных тревог.

- Николай Николаевич, Вы же Заслуженный работник культуры...

- Да, Заслуженный работник культуры. Еще Почетный гражданин Юрги, еще Отличник Народного просвещения - регалий всяких набрал.

Регалии для Н.Н.Черкасова не самое важное. Гораздо больше греет его любовь воспитанников, признание коллег и возможность работать. Иногда экспериментирует, меняет технику, но затем возвращается к излюбленной манере, привычному движению руки и ходу мыслей.

- Вы знаете, раньше я кистью писал, а сейчас я давно-давно, уже лет, наверное, 20 как все время мастихином. Это все эти карти-

ны мастихином написаны. Это такая техника: я беру лопаточкой - мастихином краску с палитры, кладу на холст, на плоскость картины и начинаю ее втирать, потом кладу второй мазок, третий - и мастихином, мастихином все это делается, получается такая живопись как бы играющая - свежая, поэтому вы обратили внимание - яркая получается из-за этого. Потому что когда кистью пишешь, то затираешь, замусоливаешь. А мастихином тут уже ответственнее, труднее работать, гораздо труднее, но зато свежее живопись получается. Но, а самое главное в картине, когда я ее пишу, в пейзаже, передать ее состояние, настроение. То настроение, которое вызывает у меня тот пейзаж, который я пишу. Понимаете? Иногда- грусть, иногда- радость, иногда бывает музыкальность такая, поэтичность. Вот это меня волнует.

Поэзия и музыкальность здорово помогают Н. Н. Черкасову в живописи. Но, самое главное, пожалуй, восторженное восприятие мира, умение находить даже в заурядном пейзаже характер одинокого деревца или необычно привлекательные блики заходящего солнца на талой воде. Где тут реальность, где воображение, полет фантазии - разобрать трудно. Ясно одно: Черкасову дано видеть то,

что недоступно, быть может, обыденному человеку. Видеть и изображать...

- Если в душе нет романтики и добра, лучше не браться за это дело.

- Конечно, конечно. Да не возьмешься. Почему вот бывает, что... Мне очень обидно бывает, когда на выставке смотришь и видишь, человек проходит мимо картины, даже не остановившись. Идет, взглянул и дальше, дальше. Картину ж надо... для того, чтобы ее по настоящему прочувствовать, надо остановиться и постараться пережить, задать себе вопрос, а что художник хотел этой картиной сказать. Какое состояние у него было, какое настроение, какое состояние этого пейзажа, или в этом портрете какие черты... То есть, надо самому быть соучастником этого творчества. Вот тогда картина производит впечатление на человека. А когда так, пустым взглядом смотрят, проходят мимо, ничего путного не будет, конечно. И никакого удовольствия не получит человек. Посмотрел, и ушел обедненным, опустошенным. А тот человек, который, действительно по-настоящему вживается в картину, он уходит обогащенным внутренне. А наша задача, художников, такие писать картины, чтобы они вызывали эмоции, чтобы они привлекали. Я не против авангарда, я очень даже приветствую первых

тех авангардистов, которые стояли у истоков нашего изобразительного творчества русского. Но, понимаете, когда пишут формально, формалисты эти, вот это меня возмущает просто.

В семье Черкасовых художник не одинок в творчестве.

Дочь моя окончила художественно-графический факультет Новосибирского института, муж ее сейчас руководит изостудией, тоже окончил этот факультет. Ребята - Кирилл и Алина, это мои внучата, они тоже занимаются творчеством. Кирилл - самобытный такой художник. Он график, он больше техникой увлекается, мастерит очень много. Алина посещает изостудию, которую ведет Людмила, моя дочь. Так что, художники, собственно, вся семья. Мы даже семейный вернисаж устраивали в прошлом году.

- Зоя Степановна, как же так получилось, что Вы в таком одиночестве-то остались. В этой художественно-поэтической семье? - не удержалась я от вопроса.

- Я просто их обслуживаю.

- Вы их Муза... Вы создаете им все условия и вдохновляете.

- Конечно, это тоже надо кому-то делать.

Пожалуй, мало что можно добавить к

этому разговору. Вот он, Черкасов, как на ладони. Он в своих картинах, он в своих стихах. Потому и закончить рассказ о своем свидании с человеком замечательным хочу его собственными строками:

Я жизнь свою недаром прожил,
Что было в силах, совершил.
Мне счастья нет того дороже,
Ради которого я жил.
Люблю людей, люблю природу,
Люблю я слышать детский смех.
Я отдал юность за свободу -
Всю жизнь отдам за счастье всех.
Мне благодарности не надо -
Добра не ищут от добра.
Пусть будет всякий раз наградой
Мне день, начавшийся с утра.

СЕЛЬСКИЙ КНИГОЛЮБ

Адрес Леонида Антоновича Семениста из поселка "Кузбасский" пометила у себя в блокноте, когда услышала от знакомых об его интереснейшей библиотеке. Сама по себе тщательно подобранная библиотека - не в диковинку. Но собрал ее селянин, да к тому же стал давать читать книги чуть не всему поселку. Более 80 постоянных читателей числилось по тетради Леонида Антоновича. А ведь в Кузбасском есть своя - настоящая библиотека... Все это и подзадоривало встретиться, побеседовать с этим человеком.

Встреча состоялась. И рада ей я еще и потому, что человек-то оказался и впрямь удивительный. И "книжная" его любовь - это всего-то одна сторона его разнообразных увлечений, эпизод (пусть может быть главный) его незаурядной судьбы. Поэтому и получился у меня рассказ о страстном любителе - собирателе книг с отступлениями. Какая жизнь без отступлений? Впрочем, что здесь важнее: рассказ о любви к книгам или жизненные отступления - определить не берусь.

Давно, когда Леонид Антонович был маленьким ребенком, поехал отец в райцентр на рынок. Закололи бычка. А был он страст-

ным книголюбом. Работал машинистом на паровозе и между поездками пристрастился к чтению. Продал мясо. Смотрит, мужичок продает книги, штук так 70, не меньше. Чуть не все вырученные деньги на них и потратил. Для маленького Лени они оказались настоящим богатством. Сначала рассматривал картинки, затем стал зачитываться.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ. ФРОНТ

Ушел воевать Леонид Антонович в 1942 году. Сколько фронтовых дорог прошел - все с боями. Вернулся инвалидом. Но такая уж у него натура - не унывал. С детства была у него отрада - гармонь да балалайка. Стала ему гармонь утешением теперь. Впрочем, выручала она - верная - и на войне. Подружила, например, на всю жизнь с теми, кому довелось вернуться.

Леонид Антонович воевал, а дома оставались младшие братишки, сестренки. Учились. Бумаги не было. И тогда в ход пошли странички от книг. Писали на полях, между строк. Бумаги не было и у друзей-товарищей. Они тоже спасались книгами из библиотеки Семенистов.

Потому, вернувшись, Леонид Антонович

обнаружил дома лишь экземпляров 80. Только и всего. Стал пополнять домашнюю библиотеку заново потихонечку. А работать пошел в избу-читальню. Ходить после ранения было трудно, но надо. А работать хотелось как следует. Вот и старался. Стенгазету начал выпускать. Потом видит, образование необходимо. Попросился в районном отделе культуры в Тюмень, в культпросветучилище. Выучился, вернулся. И ни на минуту не расставался с книгами.

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ. ЛЮБОВЬ МОЯ, ДЕРЕВНЯ

Всю жизнь прожил Леонид Антонович в деревне. Долгое время был директором сельского дома культуры. Причем работником культуры был страстным.

На вопрос, чем привлекает деревня, где и тяжело, и неудобств много, загоревшись, ответил:

- Дайте мне любые деньги, я в город не уеду. Ни за что! Я же на земле родился, я по ней хожу босиком, я чувствую запах этой земли. Да это рай! Это рай. И без деревни, без села я никак не смогу прожить. Да еще на втором, третьем этаже, не дай Бог - на две-

надцатом. И как не любить село? Вышел за огород - рядом лес, грибы растут. Берем корзинки, пошли, тут же и грузди несем.

- Вообще в корне какие-то традиции в деревенской жизни еще существуют, спрашиваю. Того крестьянского уклада, быта, когда старшие дети о младших заботились, когда младшие стариков уважали, мудрость их ценили? Остается это еще?

- Остается. На селе остается. Конечно меньше, что греха таить. Но, в основном, остается. Потому что все друг друга знают. Выросли вместе, в одной деревне. Встречаются ежедневно. Сеют, убирают хлеб все вместе, на рыбалку пошли, - тоже вместе. Вот доярки поехали на дойку. Они все время вместе. Где-то они поют, где-то разговаривают, шутят. Деревня - это единая семья, - я так понимаю. Seriously. Это ведь в городе живут (у меня много знакомых в городе) - соседа не знают. А у нас ребеночек родился - все знают. Село есть село. Интереснее на селе жить.

У нас долго работал директором совхоза Александр Николаевич Лобанов - Герой Социалистического труда, - продолжает рассказ Леонид Антонович. - Это известный директор. И вот пошел он на пенсию. А потом его племянник уговорил переехать к нему в

город жить. Так вот, он поживет немного у племянника и возвращается к нам, в село. Устраивается в гостиницу совхозную и живет все лето. Не могу, - говорит, - я в городе жить. Не могу. Я никого не знаю и меня никто не знает. Прямо вот, говорит, не знаю, куда бы девался. Приеду сюда, дышать легче становится, жить хочется. Все здороваются, разговаривают, рассказывают о своих делах. И я целыми днями занят... Он сидит у гостиницы, а гостиница рядом с магазином. Люди подходят, садятся, беседуют. Он с ними общается. Видите, как бывает. Он прожил всю жизнь в селе. Но вот как бы я поехал в город?

Но в городе все же Леонид Антонович бывал часто. И какое бы дело его не привело сюда, никогда не обходил вниманием книжные магазины. Бывало, приезжал специально - посмотреть, что появилось в букинистическом, есть ли новинки в книжном? Тратил на книги почти всю пенсию. Считал: лучше недоесть. Казалось бы, зачем покупать дорогую книгу, если уже прочел ее, если есть она у тебя в журнальном варианте? Но журналы не долговечны: пройдут через несколько рук - и рассыплются. А у Леонида Антоновича 80 читателей... Покупая книги, тут же их регистрирует, заносит в специальные катало-

ги, инвентарные книги. Помнит, где какая стоит, на какой полке. А ведь одних полных многотомных собраний сочинений у него более 150-ти. Сетует лишь на то, что зимой книги читать односельчане берут часто и много. А вот летом гораздо хуже, заняты все хозяйством.

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ. САД

Еще одно страстное увлечение Леонида Антоновича - сад. Поработать в саду, понаблюдать за любимцами - рябинками, березками - всегда в радость. Сад - он может ведь не только из плодоносящих деревьев быть. Какой посадишь - такой и будет. Не разделяет даже в мыслях он сад и деревню. Все вроде бы здесь едино. Не представляет и себя без сада, где дышится вольно и работается споро.

Здесь нашли пристанище скворцы, воробьи, сороки. Восемнадцать скворечников в саду развешано, вороны гнезда вьют. Иные их прогоняют, дескать, пакостят они, не хорошие птицы. Семенист так не считает: ничего подобного, они как волки, где живут, там не пакостят. С особым настроем ждет первых лучей солнца весной. Это ж настоя-

ший птичий концерт начнется спозаранку.

Но вернемся к книгам. Потому как и без них жизни себе не представляет сельский книголюб. Искренне удивляется: и зачем бы было жить без книг?! Относится к ним как к детям. Какую обернет в газетку, какую подклеит. Понять не может тех, кто не бережет книг. Людям таким отказывает сразу.

- Взяла как-то у меня "Черный тюльпан" Дюма соседка, причем, бывший библиотекарь, - вспоминает. Сейчас ее нет в селе, в город переехала. (Говорит фразу эту со смыслом, мол, недостойна в селе жить оказалась. Таких город только принимает.) ... Принесит... Представляете ! Она книгой этой кринки накрывала. Вот ужас! Отказал ей. А так, в основном, жалеют люди книжки...

А у меня прямо страсть какая-то к книгам, любовь особенная. Я даже не знаю, - или может это болезнь такая?..

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ... И СНОВА ЛЮДИ...

Леонид Антонович относится к тем людям, которые знать не знают, что такое скука. То, что он на заслуженном отдыхе, еще ни о чем не говорит. Вернее, это только доказыва-

ет, что для беспокойных сердец отдых не наступает никогда. И каждый день его заполнен до предела.

Хозяйство, сад, библиотека. К этому тут же добавляйте заботы, связанные с его сельскими общественными делами. Председатель общества любителей книги. (Кто ж, если не он. Это святое). Председатель Совета ветеранов войны и труда. А их 462 человека. И каждый со своими проблемами. При Совете создал Семенист клуб своеобразный. Собрал ветеранов, фронтовиков. У кого баян, у кого балалайка. Пригодилось все. Чуть не каждый вечер - импровизированный концерт. Опять таки - член ревизионной комиссии. Удивляется, бывалые напутствовали, мол, пойдешь на пенсию, будешь скучать. Какой там, скучать! Отдохнуть некогда. Прилечь некогда.

- Когда же читать успеваете, интересуюсь.

- А вот еще и надо читать. А знаете, как не удобно, когда кто-то придет из читателей, книгу спрашивает, а я ее вдруг не прочел...

Потому стараюсь как можно больше прочесть. Кроме того, ведь я выписываю столько периодики! "Аргументы и факты", "Сельская жизнь", "Литературка", местные все газеты, да много. Журналов столько! Так что читаю

ночами. Жена ругается. Но надо. Надо. Хочется все знать. И потом, знаете, что-то хорошее попадет в газете, я делаю вырезки. У меня по темам заведены отдельные папочки. Вот "В мире интересного" - одна папочка, другая - "Домашнее хозяйство", "Зеленая аптека". Так что в мире интересного есть, то и у меня.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ. РАБОТА В КЛУБЕ

Успевал Леонид Антонович все, работая в клубе. И народ тянулся, шел в клуб. Видимо, есть у Семениста свои секреты. А может просто у человека душа широкая, открытая для всех? Самое время сказать и о том, что Леонид Антонович - Заслуженный работник культуры России. Гордится страшно, что именно его Дом культуры - единственный, который дважды экспонировался на ВДНХ, заслуживший 87 грамот. Все бережно хранит его бывший директор. Сорок один год жизни посвятил он развитию культуры на селе. И считает, родись заново, иного пути не выбрал бы. Потому как слишком уж интересная работа. Каждый день - все новое. Каждый день с людьми. И каждый день - для людей.

Вот и библиотеку создавал столь большую не столько для себя, сколько для людей. Самому-то разве так много книг надо?

- Почему же селяне к вам идут, а не в общественную библиотеку, интересуюсь.

- Они же ко мне в любое время дня и ночи могут прийти. Я же никого не выгоню, не откажу. Причем, я люблю, когда приходят. Человек пришел - и побеседуешь с ним, и выслушаешь как больного, и о своем расскажешь. И потому у меня очень много друзей. Очень много.

Что главное в судьбе Леонида Антоновича Семениста трудно сказать. Да и знает ли он сам, какое из жизненных отступлений самое-самое? А может, и не было этих отступлений? Может, в том и сила этого человека, что тесно переплелись в его судьбе - книги, люди, песни, деревня, клуб, война...

Во всяком случае, слушая его рассказ о любви к книгам, я думала о его любви к человеку.

РАССКАЖИ, ЧАСТУШКА

Кто из нас не слышал озорные веселые частушки?

Ох, и достается в них лодырям и лежебо-

кам, неряхам и обманщикам!

В них все: и острое словцо, и печаль, страдания, неразделенная любовь, удаль перепляса.

Сколько уже лет таким куплетам, и не сосчитать: то ли век, то ли два, а они живут и не старятся. Стоит собраться в деревенском доме веселой компании - и... гармонист здесь первый человек. А девчонки озорные уж на месте не стоят - ноги сами в пляс просятся. И частушка тут как тут: где удаль, где перестук каблучков.

И сегодня она девицам красным – сестра и подружка, а старикам – озорная молодость. Услышат где ее лукавый напев - улыбнутся. Тут же им частушка морщинки разгладит... и тряхнут они стариной. Да как!

...Однажды я проснулась богатой. В мои руки попало невероятное сокровище – россыпи искрящегося многогранного наследия наших бабушек, дедушек, и даже прапрабабушек. Не верите? Тогда по порядку.

Как-то мне довелось побывать в старинном селе Федоровка Мариинского района. Нет-нет, да и оставят свои домашние дела федоровские старушки... Соберутся в клубе, либо в доме, что попросторней. Захватят с собой кто вязание, кто пальцы... и запоют

любимые песни. И потянутся, словно нитка из клубка, бесконечные воспоминания, разговоры про житье-бытье - прошлое и настоящее.

Вот на такие посиделки я и попала. Села в сторонку да и заслушалась.

Старожилы Федоровки помнят свое село широким, раздольным, звонким. Ох, какие песни звенели над лесом, над речушками синими, чистыми! Девушки в селе были красивые, яркие. Как огни горели! Хороводы какие водили! Праздники были хоть редкие, зато от души, от сердца. Песни, танцы, гармонь - не затихали. А пройдет праздник, будни наступят: и здесь федоровские девчата - лучшие мастерицы: и ткать, и прясть, и вышивать горазды... И опять песня – им первая помощница, где грустная, протяжная, а где – лихая, так что ноги сами в пляс просятся. А уж если частушка на ум пришла – держись парень, держись подружка!... Здесь кто кого перепоеет, за кем словцо острое последним останется!

Словом, слушала я А.П.Шевелеву, В.А. Приходько, А.А. Ильину, З.В. Барсукову, Н.Е. Долгулеву. Т.П. Сигута - затаив дыхание. И рассказы их, да песни с частушками записала на магнитофон. Подготовила передачу...

Прошел день, два... И обрушились на редакцию письма. Именно - обрушились. И в каждом - частушки, припевки, куплеты, - а за ними... За ними жизнь, страдания людей, горести, радость, веселье. Сколько историй, событий перелистала я, читая эти строки, сколько жизней прожила, пережила вместе с авторами этих поистине драгоценных писем. Сколько для себя чудес открыла в такой маленькой, всего четырехстрочной, но такой емкой, большой частушке. А потом... Потом были встречи с людьми, для которых припевки эти – и молодость прошедшая, и память горькая, и память светлая, и надежда, и вдохновение. Многому научили меня эти встречи и письма.

Впрочем, судите сами. Взять вот хоть это, от кемеровчанки Анны Алексеевны Гурьяновой. Как много значила для нее частушка и особенно в годы войны.

"С огромным волнением прослушала я передачу. Вы тронули наши сердца - сердца ветеранов войны и труда. Ведь эти куплеты мы пели и до войны, и в тяжелые военные годы, и после. А начинались они там, в далеком детстве, в старых бараках, под балалайку и гитару да под дробь босых ног.

Гармошка моя

По клубу раздавалась,
Крепко я его любила,
Но не признавалась.

Вот так собирались мы вечерами - молодые, озорные девчата и ребята. Пели от души и не заметили, как подкралась к нам та любовь, большая, настоящая, которая до поры пряталась где-то.

Говорила - не заплачу
По любви никогда,
Прокатились мои слезы,
Как по зеркалу вода.

Быстро ушло наше детство, - продолжает письмо А.А.Гурьянова, - и задор стал пропадать, ведь наступил страшный 41-й год. Повзрослели разом, пошли работать на заводы. Наши усталые глаза после 12-часовой смены не видели, не чувствовали наши усталые руки. Но мы боролись с усталостью, с настроением, с горем. Знаете как? Те же частушки помогали нам не сломиться. Они шагали с нами рядом, не давали задремать за станком, поднимали дух.

В небе солнышко сияет,
Не погаснет никогда.
Защитим страну родную
мы от лютого врага.

Ягодиночка на фронте,

А я - девушка - в тылу.
Если родина потребует,
И я туда пойду.

Вот они - частушки, которые так трогают, щемят сердце воспоминаниями о молодости. Наши русские, острые на язычке припевки. Пока писала письмо, всю свою жизнь пережила заново. Спасибо вам..." - так закончила послание в редакцию Анна Алексеевна.

В каждом письме, пришедшем в адрес передачи - частушки, а значит, и жизнь, такая большая, нелегкая, со своими волнениями и радостями. Жизнь, чудом умещающаяся в четырехстрочных куплетах. И за каждым письмом благодарность этим чудо-частушкам, в которых есть все - и слезы, и печаль, и смех, и надежда.

Живет в селе Шевели Анна Максимовна Пасуняк. Какие песни она знает! В тот день, когда мы встретились с ней, она напела еще те, что слышала от своей бабушки. А бабушка Анны Максимовны с 1842 года рождения. Анна Максимовна помнит, как во время войны она часами пела за прялкой. Было ей тогда 99 лет. Под ее напевы внучата засыпали и виделись им сны сказочные.

"Знаете, за что так люблю частушки? - делилась А.М.Пасуняк. - В ней можно выра-

зить все, всю жизнь рассказать. Есть частушка - трагедия, есть частушка обвинительная, задирушка.

Ох ты, тетушка Наталья,
Чем ты лечишь от страданья?
От страданья, от лихого
Нет лекарства никакого."

А эта совсем старинная. Ее мама Анны Максимовны еще пела:

Ой, миленький мой,
Не венчают нас с тобой.
Неужели, милый мой,
Под венец пойдешь с другой?

"Видите, какая? Спрашивает у него, верит ему и все же думает: вдруг заставят его пойти под венец с немилой? А эта уже просмеивает своего миленка:

Закатилось красно солнышко
За тятенькин амбар,
Мой миленок обознался,
Сестру милочкой назвал."

Неторопливо ведет свой рассказ Анна Максимовна. Время от времени напевает - и вся история страны нашей расстилается перед глазами.

«Мама рассказывала: после революции кругом была безграмотность. Собрались с подругами в школу. А все уж замужем, дети у

всех. Вот и частушки такие сложили»:

Собрались десятка два -

Небольшая детвора.

Чуть не всем, наверняка,

Будет лет по сорока.

Всего месяц или два,

Может, и поболее,

Каждый вечер два часа

Занимались в школе.

Почему же раньше нас

В школе не учили?

Уж, наверно, аттестат

Мы бы получили.

Может, скажешь, что у нас

Не было охоты?

Нет, наверное, об нас

Не было заботы.

Сама Анна Максимовна начала петь частушки еще школьницей. И первое выступление - а состоялось оно на родительском собрании еще в годы войны - запомнилось ей на всю жизнь. И были это одни из первых частушек военных лет.

Что за небо голубое?

Полушалка голубей.

А на небе что такое?

Летит стая голубей.

И летят они все рядом,

Ни один не отстает.
Они крыльями не машут.
А по небу гул идет.
Вы скажите мне: который
Самолет номер восьмой?
На нем летчиком - братишка,
А механик - милый мой.
 Как бы птичкой была,
 Высоко взвивалася,
Догнала бы самолет,
С милым повидалася.

Надо сказать, в подавляющем большинстве авторы той корреспонденции – люди пожилые. Это и понятно. Ведь написали, прежде всего те, кто молод был в период расцвета и популярности частушек. Это довоенное, послевоенное поколение, вынесшее на своих плечах тяготы войны или знающие войну, коллективизацию, гражданскую по рассказам бабушек, дедушек, родителей.

Поэтому особенно взволновало и обрадовало письмо Любви Ивановны Котельниковой из Прокопьевска. "Только что прослушала вашу передачу и решила, не откладывая, написать, чтобы от души поблагодарить за то, что звучат в эфире, не забываются эти замечательные неповторимые русские мелодии. И, конечно же, частушки! Что может

быть прекрасней? Мне 30 лет. Я выросла в семье, где всегда пели, часто вечерами мама брала балалайку, отец - гармошку, братья - баян и гитару. Ладно получалось. Помню песни бабушки. Они особенные. В день моей свадьбы бабушка пришла рано утром и пела: Ой, проходили, прогуляли, ой, да подружку потеряли... Сказала, когда и ее "наряжали в невесты", пели эту песню. Наверное поэтому я плакала, слушая в одной из ваших передач песню: "...зачем меня тятенька просватал..." Дочки спрашивают: - мама, ты почему плачешь? - песня хорошая. - А разве плачут от того, что песня хорошая?

Думаю, мне удастся привить своим детям любовь к русской песне, частушке. Как возьмет дед гармошку, пляшут внучки да еще припевают:

Самолет летит
И мотор гудит,
А Семеновна
На крыле сидит.

Ни одного человека преклонного возраста не оставит равнодушным встреча с народной песней, но хочется, чтобы и молодежь понимала их ценность" - так закончила письмо в редакцию Любовь Котельникова.

Я заметила такую вещь: люди присыла-

ют чаще всего частушки веселые, задорные, а вспоминают при этом, что пели их в очень трудные времена. Наверное, и здесь есть прямая связь. Ведь пели эти куплеты, чтобы поднять настроение у товарищей, подруг, чтобы отвлечь себя от тягостных дум. И в этом тоже заключается чудо частушки. Именно в тяжелые моменты приходили они на ум и облегчали сердце после нелегких испытаний.

Эх, частушка, ты частушка,
Слово каждое - снаряд.
Бьет фашистов по макушкам,
Помогает воевать.

Вот что написала Ольга Адамовна Сургус. "Детство наше было трудным. Мне было одиннадцать лет, когда началась война, но помню все, как будто было вчера. Нам, детям, пришлось самим пахать, оборонять на быках. Сколько слез пролили мы с этими быками. Как станут донимать их комары, они нас утащат в болото со всеми боронами. А нам не под силу выбраться оттуда. Вот и плачем. А как выберемся – разберет нас смех. Не унывали. Повсюду раздавались наши частушки. Работали, как взрослые. Хлеба убирали. Днем снопы вяжем за жнейкой, ночью скирдуюем. А ночи темные, хоть глаз коли. Не видно, куда отвозить снопы на быках, так

мы, чтобы не страшно было, давали о себе знать звонкой частушкой. Так и переключались."

Во многих письмах - приглашение: приезжайте, послушайте наши припевки. Сколько спеть и рассказать мы вам можем!

А Майя Петровна Комарова из Новокузнецка приехала сама, неожиданно, без предупреждения. Хотелось не растерять, не расплескать, излить скорее и разом свои чувства и воспоминания.

Из колодца вода льется,
Вода - чистый леденец.
Если зраг на нас нарвется,
То придет ему конец.

Сорвала я, сорвала
Веточку смородины,
Буду твердо я стоять
За советску родину.

Паровоз пары пускает,
По дороженьке бежит.
Собираются ребята
В Красной Армии служить.

"Частушка - она такая, в четырех строчках можно большую мысль выразить, - говорит Майя Петровна. - В ней, как в стенгазете, можно человека похвалить, а лодыря, пьяницу, бракодела продернуть, пожурить. И чело-

век обязательно задумается, ведь частушка корит публично, от нее не спрячешься, не прикроешься."

Запомнились мне слова мариинского художника Юрия Михайлова, яростного защитника всего народного - промыслов, песен, обрядов, музыкальных инструментов. В одну из встреч разговорились с ним о частушках. Собеседник Юрий удивительный - тонко чувствует, глубоко понимает корни народные, бережет в душе этот чистый источник. Так вот, о частушке сказал он так: это, представьте, посудинку с горохом взяли и разбили - звонко, безудержно покатались, посыпались горошины, не удержишь! Так и частушки! Где одна на ум пришла - там и остальные, так и сыплются!

Мой миленок - тракторист,

Ну а я - доярочка.

Соревнуемся на пару -

Боевая парочка.

Уголь - это хлеб заводам,

Это знать нам всем пора,

Значит, надо полным ходом

Давать уголь на гора.

От подруг я отставала

Прошлый год на посевной.

В это лето, заверяю,

Стану я передовой.

Словно деревенская карусель закружила, завела этот частушечный хоровод. Здесь и переключка девчат с парнями, здесь и частушка-нескладушка, здесь и страдания. Незамысловатые простодушные строки куплетов рождают поистине многогранные, полные нюансов человеческие характеры.

Сколько же тайн и чудес у частушки, что незаметно для человека западает ему в душу, ворошит память, заставляет полюбить ее искренне и навсегда. Вслушаешься в ее разнообразные, легко запоминающиеся мелодии и долго-долго продолжает звучать она. Не спросясь, трогает за сердце, волнует, сопровождает по жизни. Частушкой откликается человек на любую жизненную ситуацию, это и раздумье, и ликование. Вместе с нами она поет и плачет вместе, и смеется. Вначале она неотделима от своего создателя, передает все его чаяния и надежды. Но проходит время, подхватывают частушку другие, и она начинает свой самостоятельный путь. У нее появляется своя судьба. Несмотря на огромное разнообразие припевок, есть у них одна общая черта - они долгожители. И еще: как бы ни была частушка выразительна, объемна, самостоятельна, она, тем не менее, неотде-

лима от народной мелодии, песни - грустной и веселой, от хороводных припевов. Больше, чем другим, частушка близка песне шуточной, многоголосой, искрящейся юмором.

И все сердечные муки, переживания, как бы мы их ни скрывали, стоит пропеть частушку... Словом, секретов у частушки не бывает. Она всегда откровенна, искренна, ее не утаишь. Что пропето раз, то на устах у всей деревни.

Ой, пусть говорят -

Не боюсь никого.

Лишь бы я была в почете

У мотанечки мово.

Ой, подружка дорогая,

Расскажу тебе одной,

Когда с милым расставалась,

Сердце билось волной.

Это уже припевки Веры Михайловны Рыбниковой из Мариинска. Работала она на мебельной фабрике. Говорят, ее перепеть еще никому не удавалось: так много знает она частушек.

А сколько их в письмах! Самых разных. Сколько знают эти куплеты о своих создателях, исполнителях. Они – словно живые существа. И жизнь у них долгая и пока счастливая. Но как и все живое, они могут и уме-

реть. Беззащитные, они могут быть забыты, потеряны, осмеяны. Они очень хрупки и уязвимы. Сохранить их - задача не из легких. Ведь вместе с благодарностью частушкам, в письмах и тревога, и обеспокоенность тем, что хранят и поют их люди далеко немолодые.

А между тем, получила я конверт и с обратным адресом: Кемерово, средняя школа № 5, четвертый класс. От имени своих друзей написала Оля Кондратьева. Ребята, послушав передачи о частушках, создали поисковую группу и отправились к бабушкам - собирать частушки. И что же оказалось? Многие уже не знают, не помнят их, словом, дело это не из легких. Но ребята не отчаялись, поиски продолжили. Пробуют сочинять и сами. К примеру, Ира Рыжкова спела мне такую:

Разлюбила тракториста
Колю Лежебокина,
Поллюбила гармониста
Сашу Заволокина.

Зинаида Григорьевна Дунаева написала из Новокузнецка. "Сейчас слушала передачу о частушках. И как будто перенесли они меня в далекие 50-е, в нашу ушедшую юность. Помню, как в голодные послевоенные годы,

когда приходил с работы отец, садились мы всей семьей вокруг печки. И начиналось чудо: папа брал в руки гармошку, а мы с мамой и братом начинали петь, а то и плясать. Избушка была маленькая, в одну комнатку, а сколько в ней помещалось сказочно красивых мелодий, тепла и света. Подрос брат и взял в руки баян. А папа делал себе гармошку сам. И многие годы спустя, когда удавалось собраться в родительском доме всем вместе, далеко за полночь звучали в нем песни, частушки под маленькую звонкую отцовскую гармонь."

Откликнулась и Варвара Тимофеевна Синякова из города Белово. " Поверьте, - пишет она, - послушала частушки и помолодела. Пишу, а перед глазами наше большое село Озерки. Славилось оно песнями русскими, и стар, и млад знали множество припевок. Собираемся, бывало, кто на балалайке играет, а кто в бубен бьет, девушки хороводы водят. И трудно приходилось. Вспоминаю, как на быках волокуши на сенокосе таскали. Встанет бык, не идет, а мы плачем. Потом встряхнемся, запоем частушку, и дело на лад пойдет, куда усталость делась?"

Многие письма заканчиваются словами: посылаем вам наши заветные любимые час-

тушки. Те, что помогали нам, те, с которыми шли по жизни. Напойте их людям, пусть запомнят они старикам юность, а молодым расскажут о наших заботах, о песенном творчестве их отцов, матерей.

Частушка, коротушка, припевка - как только не называли эти чудо-четверостишия в разных уголках России. И всюду они согревали, сочувствовали в горе, поднимали настроение.

Вера Вениаминовна Серебренникова - новокузнецчанка, прислала целую пачку куплетов. Причем, частушки эти вятские. Пели их в деревне Галкино Кировской области. "Деревня эта, теперь вымирающая, в 20-30-е годы была достаточно большой, - пишет Вера Вениаминовна, - это родина дымковской игрушки, край вереса и морошки.

Я посею, я посею
Морковочку грядкою.
Ох, посмею, ох, посмею
Похвалиться Вяткою.

Любили вятские девушки посиделки, - вспоминает Вера Вениаминовна, - Приходили и парни. Вдруг какая-нибудь озорница споет:

Кавалеры все пришли,
Душеньки безгрешные.

Полезайте на полати,
Грейтесь, сердечные.

Другая тут же подхватит. Такие посиделки не обходились без гармони или балалайки. Недаром, видно, говаривали раньше: пошел мужик на базар не корову продавать, а гармонь покупать. Вот какая цена гармони! Вот чего стоил инструмент этот. А уж что корова для крестьянина значила - каждый знает.

Так вот, собирались когда девицы, парни на посиделки, да начинал свои наигрыши гармонист удалой - не обходилось и без рождения новой частушки. В этом живом общении друг с другом присутствующие были свидетелями развития, совершенствования, рождения частушки. Растянул меха гармонист, подхватила напев балалайка, и полетели ввысь новые припевки:

Гармонист такой хороший,
Сердце беспокоится.
Разрешите, гармонист,
С вами познакомиться.

Живет в городе Белово Зоя Федоровна Серебрянникова. Живет с 1934 года. Выросла она в семье Федора и Анастасии Галкиных. Родом из села Галкино Кировской области, того, о котором написала мне новокузнецчанка Вера Вениаминовна.

В семье Галкиных три сына и дочь - Зоя Федоровна. Сыновья рослые, плечистые, с буйными кудрями. Все гармонисты. Младший, Александр, в давние времена совсем еще мальчишка - озорной и острый на язычок, частенько бывал на вечерках. И когда в Галкино приходили парни из соседней деревни, на словесную защиту "своих" просили выйти Галкина-младшего. Плясал и пел он с таким самозабвением, моментально выдавая ответные припевки, насмешливые, острые, что казалось, выколачивал их пятками.

С этим юрким плясуном
Милочка расстанется:
На тесемочки наступит,
Упадет, растянется.

И старшая сестра - Зоя, певунья и плясунья, тоже слов для частушек не искала. И сейчас Зоя Федоровна Серебрянникова нет-нет да и возьмет в руки балалайку. А это означает, что появится новая частушка.

На мои брови густые
Полушалок нависал,
Мой миленочек на спутник
Заявление написал.

Нянчит правнука да напевает ему порою старинные песни. Может, и правнук знать да любить народные напевы будет? Ве-

рится, что так оно и случится.

Сотни писем. Множество частушек. сотни жизней и судеб, историй, событий. Бери любое - не оторвешься. Все они хранятся у меня. И можно читать и перечитывать их бесконечно. Я вроде как получила огромное наследство, которое годами собирали многие люди, бережно хранили в своих запасниках, а теперь щедро преподнесли мне с наказом не растерять, не обесценить его.

Поначалу я даже не поняла, как велико оно. Потом растерялась. Что смогу одна сделать с таким богатством? Но потом, догадавшись, что это не мне одной, а всему нашему поколению передано сокровище на хранение, делюсь им с вами.

ЭВАКОГОСПИТАЛЬ

На сцену вышла невысокая, щупленькая, немолодая уже, но быстрая в движениях энергичная женщина. Вышла, чтобы выступить перед теми, кого собрала вместе в Мариинском педагогическом училище ее доброта и забота. Она говорила, пела, а из зала на нее смотрели, вытирая слезы, люди, которых Аделаида Львовна Лапшина разыскала и соединила спустя много лет после войны.

"Нет слов, чтобы выразить Вам благодарность за внимание, проявленное ко мне. Вместе с Вашими теплыми письмами нахлынули воспоминания, переворошили память. Сердечное спасибо за ваши поиски, встречи, которые приносят большую радость нам - фронтовикам."

"Дорогие мои! Спасибо Вам! Счастья Вам - молодым, не забывшим нас, большой светлой любви! Хочется подарить вам все цветы, что зацветут в Мариинске, родном для нас с вами городе".

Письма эти из разных уголков страны идут в Мариинск, в адрес клуба "Поиск" педагогического училища, в здании которого в годы войны был развернут эвакогоспиталь

№ 1401, а затем № 1230.

Я удивляюсь энергии, собранности, жизнелюбию и доброте этой женщины, за которой еле поспеваю по мариинским улицам. Аделаида Львовна Лапшина спешит познакомиться меня с людьми, которых она разыскала. С людьми, которых объединила память о годах военного лихолетья, нелегкий труд в эвакогоспитале, страдания, слезы, боль...

Что связывает ее с госпиталем? Да ничего... В памяти осталась встреча с ранеными, когда она, молоденькая учительница Обояновской школы, привела своих учеников выступить с концертом перед бойцами... Спустя годы пришла мысль найти тех, кто там лечился, работал, помогал...

И вот теперь мы спешим встретиться с теми, кто живет в Мариинске, а Аделаида Львовна на ходу рассказывает: "Я начала с того, что позвала ребят, вместе создали поисковую группу, распределили обязанности. Старостой выбрали Олю Панину. Начали работать с августа 1979 года. Что заставило меня? Мне интересно.

Встречаюсь с новыми людьми, нахожу их. Они все вспоминают войну. Переживаем вместе. И встречи, конечно, очень трогательные. Мы ведь тоже много пережили, хоть и

жили в тылу глубококом. Я работала в школе Обояновской вместе с матерью. С учениками собирали колоски, лекарственные травы для госпиталя по болотам, в лесу, копали картошку, дежурили возле раненых."

Вера Исаевна Абакушева - отличник здравоохранения, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, Заслуженный врач России, заведовала в годы войны травматологическим отделением госпиталя № 1230. Позже, после розысков Аделаиды Львовны, написала в Мариинск: " Дорогие ребята, младшие друзья, клуб "Поиск"! Большое вам спасибо, что храните память тех священных лет, когда были все люди родными, потому что решали одну задачу - победить.

Свернулся госпиталь в сентябре-октябре 1944 года для передислокации ближе к линии фронта, которая уходила на запад. Остановились в городе Станислав (сегодняшний Ивано-Франковск). На этом месте мы встретили День Победы. Но местные бои с бандеровцами не прекращались. И в День Победы мы продолжали принимать раненых. Вернувшись из госпиталя, собрала семью. Муж воевал в партизанском отряде, девочку я возила за собой, а сын всю войну пробыл у бабушки. Дети выросли. Я часто им расска-

зывают о тех страшных днях, которые породили много сирот, вдов, калек. Мы отвоевали себе право быть свободными и счастливыми".

Таких писем в архиве группы "Поиск" очень много. И Аделаида Львовна гордится тем, что занялась поисковой работой и не забросила ее даже будучи давно на пенсии. И поныне организует встречи, рассказывает детям о бойцах, что лечились в Мариинске, ведет активно переписку.

Алексей Андреевич Пчелин, заслуженный учитель России, написал из Москвы: "Спасибо за вашу работу, за то, что не забываете о тех, кто отстоял, отвоевал счастье. Призывался в Армию я в 1941 году, а в 43-м при форсировании Дона был тяжело ранен и отправлен в Мариинск, где лечился до 1944 года. После лечения был оставлен работать в госпитале командиром отделения. Затем работал в горвоенкомате, горно, директором педучилища. Живу в Москве. Часто вспоминаю заботу, опеку мариинских жителей, концерты детей. Все это скрашивало жизнь раненых бойцов."

С начала войны, в Сибирь, в глубокий тыл потянулись эшелоны с ранеными. Принять их, вернуть бойцам здоровье готовился

и Кузбасс. Мариинский горвоенкомат создал две военные команды. В них готовили медсестер и санитарок. Девушки учились и ремонтировали помещения, заготавливали продукты. Жители приносили травы, клюкву, одежду, цветы, книги, даже нашлось пианино, гитары и балалайки.

Из письма санитарки госпиталя Дубовой: "Работали с 6 утра и допоздна. На работе от недоедания некоторые из нас теряли сознание. Раненых было около тысячи. И всех надо было накормить, помыть, одеть."

Аделаида Львовна Лапшина часто вспоминает первый визит в госпиталь, положивший начало дружбе ребят сельской школы с бойцами.

- Вечером, это было 25 апреля, перед Маем, получили неожиданно письмо-треугольник. Дети уже собирались домой. Я их всех оставила, посадила, прочитала. Слова такие: "Дорогие ученики! Мы узнали о вашей школе и хотим познакомиться с вами." Мы собрались буквально за два дня, даже меньше. Колхозники собрали для раненых много подарков: картофель, свеклу. Все приняли участие, хоть три картошечки, но выносили. Набралась целая машина. Дети не могли дождаться, когда мы поедем. Приехали к

госпиталю в сончас, было очень тихо. Переделались. Пошли в ту палату, из которой получили письмо. Старостой палаты был Иван Корнеевский. Нас встретили с радостью. И когда дети передавали подарки, бойцы некоторые плакали. Раненые обнимали детей, целовали. А мои четвероклашки пели им песни."

Уже за первые пять лет поисковой работы ребятам удалось разыскать более 50-ти человек. Пока ветеранам хватало сил, собирались в Мариинске, приезжая со всех концов страны, чтобы встретиться, поговорить, вспомнить тревожные дежурства, бессонные ночи и концерты, с которыми перед ранеными выступали дети.

Из письма Агнии Елизаровны Горлач, библиотекаря госпиталя.

" Я была очень взволнована тем, что вы нашли меня. Сердечное спасибо за ваш труд. Я много расскажу. Я все помню. Ведь первый эшелон с ранеными приняли мы. Выносили их из вагона на носилках, отправляли в госпиталь. Расскажу, что видели, что слышали стены в то тяжелое время. Мне так хочется, чтобы молодое поколение это знало и чувствовало душой, как воевали бойцы, как чуть подживут раны, они вновь рвались на фронт.

И снова мы провожали их. Помню, как кричали они нам с машин: "Мы вернемся живыми". Многие плакали... Работы было много: ухаживали за ранеными, книги носили по палатам, читали вслух, писали письма родным раненых. По карте передвигали флажки на булавках - по движению наших войск."

Антонина Григорьевна Котова - старшая медицинская сестра - проработала в госпитале с первого до последнего дня. Она хорошо помнит, как 5 августа пришел первый эшелон с ранеными. Ночью собрались по тревоге. Одна бригада поехала на вокзал, другая осталась принимать бойцов на месте. Антонина Григорьевна была старшей сестрой 2-го отделения и сестрой приемного подразделения. Раненых принимали сутки, не отходя ни на минуту. Больные были тяжелые. Помогали местные жители, затем стали приходиться эвакуированные женщины. Прибегали ребята из всех школ. Бойцы были им очень рады: плакали, целовали детей.

Мариинцы, кто мог, лепили пельмени, приносили в госпиталь варежки, носки, - дарили все, что могли.

В первом госпитале начальником работал Евсей Куприянович Александров. А.Г. Котова часто вспоминает - какая чистота бы-

ла при нем, порядок во всем. Начальник час-
генько проходил по палатам с ваточкой —
пыль проверял.

Из письма медработника госпиталя
№ 1401 Нины Григорьевны Волобаевой:
"Начальник наш, Александров, был необыч-
ной личностью. Внешне - красив, опрятен,
суров и мужественен. Мы редко видели его
улыбку. Но душа его была широкая, добрая.
Трудолюбив был на редкость, очень исполни-
телен. Нас этому учил постоянно. Требовал
дисциплины, строжайшей исполнительности.
Когда он спал - мы не знаем."

Из письма Сергея Евсеевича Александр-
рова - сына начальника эвакогоспиталя Евсея
Куприяновича Александрова: "Евсей Куприя-
нович скончался 14 февраля 1974 года. Я, его
старший сын, работаю на кафедре отца, где
он защитил после войны докторскую диссер-
тацию. Мои детские годы (до 13 лет) связаны
с госпиталем № 1401. Помню, как мы, дети
сотрудников, собирали мох для перевозок,
помогали старшим чем могли. Более шести
тысяч солдат и офицеров вернулись в строй
после лечения в госпитале."

После сокрушительного разгрома нем-
цев под Москвой наступательными опера-
циями Советской Армии была освобождена

значительная территория страны. Эвакогоспиталь № 1401 был переведен в Ярославль, затем в Галич Костромской области. Многие сестры и санитарки, имеющие детей, были оставлены в Мариинске, а затем переведены в эвакогоспиталь № 1230. Среди них Антонина Григорьевна Котова, Евгения Васильевна Мерзлякова, Александра Григорьевна Светкова, Валентина Михайловна Молчанова.

В конце 1942 года в Мариинск стали прибывать медперсонал и оборудование для госпиталя № 1230. В начале 43-го года эвакогоспиталь № 1230 из Кемерова перевели в Мариинск.

Вот что вспоминала начальник этого госпиталя, кавалер ордена Красной Звезды Мария Нестеровна Горбунова: "В памяти живы и трогательные концерты, с которыми выступали перед ранеными полуголодные школьники, и то, как они дежурили у постели бойцов. А разве можно забыть славных мариинских женщин? Они отрывали от себя и своих детей для раненых последние крошки хлеба. Приносили в госпиталь костюмы своих погибших на фронте мужей. 84 процента бойцов возвращал на фронт наш госпиталь. Если бы можно было собрать всех вместе, кто помогал и работал со мной, я бы встала на колени и низко поклонилась им за

бескорыстную помощь. Я всегда считала, что мой орден - это и их награда."

Иннокентий Михайлович Тайченачев, участник Сталинградской битвы, после ранения попал в госпиталь родного Мариинска. Пулю из ноги ему удаляла хирург Александра Николаевна Шадчина. И.М.Тайченачев и А.Н.Шадчина учились в одной школе, воевали в соседних дивизиях. Он - в 73 Гвардейской Сталинградской, она - в 81-й. Выяснили это уже в госпитале. Александра Николаевна умерла на рабочем месте, во время операции, в 1944 году. Не выдержало сердце. Слишком много пережила в госпиталях Сталинграда.

Из воспоминаний медсестер Столбовой и Ганшиной: "Многие раненые были без рук и ног. За ними нужен был особый уход. Мы выносили их в теплое время на носилках на территорию стадиона "Динамо", читали им книги, старались окружить заботой и вниманием".

На одной из встреч сотрудников и бойцов госпиталя к Василию Николаевичу Николаеву подошла худенькая седая женщина: "А помнишь, как я тебя на руках носила?" - улыбнулась она. И не верилось им самим, что когда-то медсестра Анна Евграфовна Колиниченко запросто поднимала на руки муж-

чин, чтобы отнести их на перевязку. Делала так, пока не увидел начальник госпиталя и не запретил категорически.

Из письма Григория Васильевича Коваленко: "Боевое крещение принял 20 декабря 1941-го и был сразу ранен. Вторично ранение получил на Курской дуге. В Мариинский госпиталь меня привезли как безнадежного. 4 января 1944 г. хирург сделала мне операцию, спасла мне ногу. После госпиталя попал в десантные войска. Закончил войну в Чехословакии. Большое спасибо за поисковую работу. Какая это радость для фронтовиков. Нас не забыли."

Они встречались часто, те, кто живет и жил в Мариинске. Рассматривали фотографии, читали письма, вспоминали. А по возможности и по сей день приезжают, если хватает сил, из самых дальних городов и те, кого сроднил Мариинский госпиталь, но разбросала по стране жизнь.

Эти давно немолодые люди сменили гимнастерки и белые халаты на гражданскую одежду. Они не стесняются слез. Не стесняется слез и Аделаида Львовна Лапшина, в давнем прошлом учительница Обояновской школы, никогда не работавшая в госпитале, но ставшая всем такой родной, близкой. Учительница, которая помогла им встретиться.

ИСТОРИЯ В ПЕСНЯХ

По народной песне можно вполне писать историю. В ней всё: и корни наши, и традиции, и события...

Вот и получается, что полвека как вплотную пишет историю края родного Анатолий Владимирович Кузнецов. Ему исполнилось 75 лет. Но опять-таки именно песня ему ни стареть не дает, ни отдыхать, ни болеть. Некогда. Всю жизнь некогда.

Пожалуй, лет в 16 он всерьез занялся тем, что стало делом всей жизни. Начинал, как многие, с агитбригады.

Бережно хранит Анатолий Владимирович записи разных лет в личном архиве. Для Кузнецова те записи - ценность невероятная.

Смотры и концерты были уже спустя годы, когда появился у Кузнецова собственный коллектив - гордость, муки творчества, плод огромного труда. Но поначалу до него было далеко. Предстояло пройти армейский путь.

-Я семь с половиной лет отслужил, - вспоминает. - Призвался в 16 лет, 17-й был. У меня броня была. Я в сельской местности был один музыкант. Агитбригады тогда были очень развиты. А я подумал: зачем мне бро-

ня? Мои одноклассники идут, и я должен идти, ушел. Попал я в 44 году в Москве на смотр самодеятельных исполнителей. Получил там лауреата и стал выступать, ездить по Алтайскому краю. Заметили меня.

- Как гармошка впервые в руки попала?

- Я тогда не знал, гармонист я или не гармонист. Просто у соседей была гармошка. Я приду попиликаю, поиграю, стал мелодии подбирать. Я думал, все так могут делать. Не только я. Кто в селе будет учить? Что услышишь, то и играешь. Потом отец с матерью обнаружили, что я играю. Заплатили там, продали животных...

- Тогда ж гармошка целую корову могла стоить...

- Дак и потом, мало кто эти гармошки делал. Это ж частники только делали и за большие деньги. Но я не попользовался этой гармонью. В 35 году отец завербовался на Дальний Восток. Обычно тогда на вокзалах на полу спали, и у нас ее стащили.

- Горе большое было для вас?

- Это не то слово. Это жизнь. Вот сейчас даже у меня отнять то, что я имею, это, действительно, горе. Это... я даже не представляю. Вот я уже здесь 50 лет работаю. Это второе мое место.

- А как попали сюда, во второе место?

- Я просто приехал сюда учиться. Здесь было училище и сильные педагоги.

У нас жанр очень сложный. Сейчас русская песня... Русская песня должна процветать, пускать свои корни. А Сибирь и Запад - это очень разные вещи. Там вперед культура развивалась, а здесь она была отстойной. Здесь культура держалась на тех, кто был сослан сюда. Многие из них весьма грамотные люди. Оставались здесь, рождали свои произведения музыкальные. Мы часто обращаемся к фольклору как таковому, а посмотришь, все почти коллективы поют "Запад". А наших вот так, распетых, сибирских... и нет. У нас есть они, но они очень тяжелые. Они кандалного типа. Потому что здесь были тюрьмы, и рождались песни чувствительные, где-то заунывные, тоскливые, душевные.

Хору Кузнецова нынче пятьдесят лет. И знают его хорошо по всей России. Поначалу это была лишь вокальная женская группа. Просто талантливые девчонки, перепеть которых было очень сложно. Затем пришли в хор и мужчины, а еще позже и танцевальный коллектив создали.

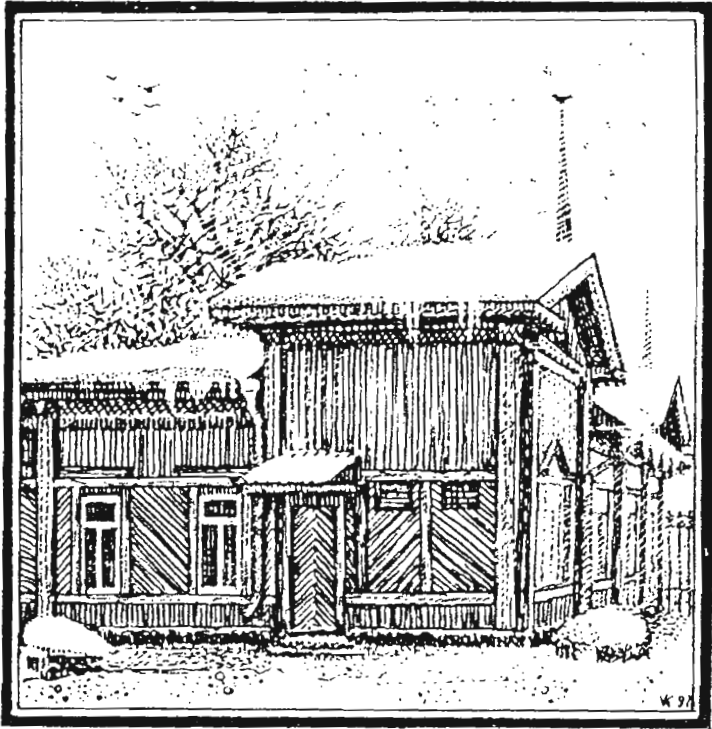
В основном все - работники кемеровского завода "Прогресс".

Самые большие специалисты хорового искусства буквально сразу отметили высокий уровень профессионального мастерства этого самодеятельного коллектива.

Объехали с концертами всю Сибирь, много выступали по городам России. А вот за границу были невыездные, завод, на котором трудились хористы, был объектом закрытым, военным.

Богатству репертуара удивляется даже сам Кузнецов. А требование к песне всегда одно, чтобы за сердце, за душу задевала, тебила. Каждую прежде выстрадал сам, а уж потом предлагал коллективу.

Впрочем, рассказывать о его детище в прозе, дело неблагодарное. Слушать надо: и самого Анатолия Владимировича, и песни, что поются по сей день. Особая гордость его в том, что во все времена меньше пятиголосья хор не звучал.

ГАРМОНИСТЫ

В одну пору, когда близилась к концу война, появилось на базаре много самых различных гармоней: редких, ладных - фабричных, и не столько ладных, сколько голосистых да звонких - самодельных, любительских.

А приносили их на базар вдовы не вернувшихся с войны солдат. Приносили, чтобы обменять на хлеб, сало, одежку для осиротевших солдатских детей. Время было тяжелое еще, голодное. А жизнь... жизнь - продолжалась.

Как же было торговому люду узнать хороша ли гармонь та? Узнавали просто. Всегда находился в толпе человек, желающий по старинке размять пальцы. Брал он гармонь в руки, поначалу трогал кнопки несмело, бережно, а затем все уверенней, собирая вокруг любопытных, соскучившихся по лихой игре людей.

Самое яркое воспоминание из детства Ивана Ивановича Глебова - гармошка. Порой было такое чувство, что с ней и родился. Поначалу еще неловкие, слабые ручонки тянулись к инструменту, как к чему-то заветному, фантастическому, способному издавать ча-

рующие звуки. А уж к третьему-четвертому классу Ваня стал настоящим артистом. В суровую зиму, чтоб не замерз по дороге, заворачивали маленького солиста в тулуп, на телегу... и с концертами за 90 километров. А уж там на сцену выходил гоголем - в новой яркой шелковой рубашке, отрез на которую выдали в школе специально для выступлений. Так с гармошкой и рос. С гармошкой ушел и на фронт, едва исполнилось шестнадцать. Была то русская двухрядка.

Долго вместе с Иваном шла та гармошка по дорогам военным, словно фронтовой товарищ. И ей тоже пришлось хватить лиха.

И погибла-то в бою, как настоящий товарищ. Попал в машину снаряд и гармошку разорвало. Горевал Иван так, словно расстался с боевым товарищем. Затосковали было и однополчане. Да попалась трофейная хромка... Прежней не соперница, но все ж...

А призвали Ивана Глебова, лишь исполнилось шестнадцать, из девятого класса. Считалось, пока подучатся – подрастут, возмужают. Но судьба, как и со всем военным поколением, распорядилась на свое усмотрение. Через девять месяцев был он уже в боях. Уходили на фронт из Тисуля вместе шестьдесят семь человек. И попали все в

один полк. После войны вернулись вчетвером. Остальные погибли. А спустя два-три десятка лет довелось уже встречать очередной День Победы Ивану Глебову и вовсе без фронтовых друзей.

Раненный в боях, контуженый, но никогда не унывающий, как и прежде, с гармошкой в руках, прошел он по улицам Яшкино. И не было конца воспоминаниям, нахлынувшим в этот день, как никогда.

Вспомнилась случайная встреча с писателем Шолоховым, который стал свидетелем неумных соревнований “кто во что горазд”, когда сошлись полки на переправе и заливистому звону гармошки не было равных. Иван долго хранил потом вырезку из фронтовой газеты, где шустрый фотограф запечатлел его рядом с Шолоховым.

Словно вчера было, стояла перед глазами картинка, как на привале читал однополчанам “из Твардовского” и генерал армии В.И.Чуйков пожал руку, а позже подарил баян, который и принес Иван с войны домой. Тот баян хранился в семье как реликвия и положил начало своеобразной коллекции. К чуйковскому баяну добавились гармошки, оставшиеся от ушедших фронтовых друзей. У каждой свой голос, своя память, боль и раны.

И поет каждая гармошечка по-разному. Потому, когда к какой руки тянутся, зависит от настроения. Но всегда вокруг веселье и радость, частушки заводные и песни протяжные, пляски, перестук каблучков. Вот так умудряется Иван Иванович не только не падать духом сам, но и поддерживать огонек жизнелюбия во всех, кто его окружает.

Рядом с Иваном и его верная подруга, любимая жена, когда-то звонкоголосая певунья, задорная, неутомимая Машенька, ныне просто Мария. Не случайно породнились две музыкальные семьи. Одних перепеть никто не мог, других - переиграть, переплясать никому не удавалось.

-А с Машей мы учились вместе, - вспоминает Иван Иванович. - Наши родители крепко дружили. Всегда мечтали породниться. У меня брат Саша был. Так смеялись постоянно: все равно, мол, родней будем, не по Ваньке, так по Маньке, не по Тоньке, так по Саньке. Они, подружки, всегда меня обижали; отчаянные были. По одной - я им не спускал. А соберутся с братьевьями, попробуй - тронь. А ведь задирали первыми. Потом подросли. Не успели оглянуться, как в армию, на фронт... переписывались семь лет. А потом встретились. Она приехала ко мне в Ашхабад

(я там служил). Полковую свадьбу сыграли.

Дрались в кровь,- смеется Мария Матвеевна.- Мы с подружкой его били. А он подкараулит по одной: ага, попалась! Ну и снежками, сумками друг друга, да и драть скорей. Отчаянная и на голос была. Мама пела и на балалайке играла. Я и на балалайке, и на гитаре. Брат мой (он погиб) учил Ванечку на гармошке играть.

Все это и детям нашим передалось. Они музыкальную школу окончили, музыкальное училище, институт культуры. А уж плясать-то! Все деды, дяди, прадеды плясали. С цыганами соевновались. Приезжали они до войны часто большими таборами, палатки натянут. Соберутся, бывало, болельщики с двух сторон улюлюкают, подбадривают. Редко когда удавалось цыганам нашу родню переплясать.

И до последнего времени так и велось в доме Глебовых. Коль собрались вместе, берут в руки инструменты стар и млад, отец и дочь, внук и внучка. Начинается импровизированный концерт. Тут же подтягиваются соседи, случайные прохожие. Бывало, прямо перед домом, на зеленой лужайке кто-то, вспомнив былую молодость, притопнет ногой да под лихой наигрыш пройдетя по кру-

гу с приплясом, с приговоркой.

Вот и Ольга Ивановна Быкова - дочь Глебовых, черпает силы и вдохновение поистине в корнях семейных. Она словно вобрала в себя все творческие порывы предков и теперь уже не мыслит существования без песни под аккордеон. Пишет стихи, песни, поет да приплясывает, заражая всех энергией, оптимизмом, жизнелюбием. Любит вспоминать, что дед, когда пускался в пляс, рукавицы надевал, чтобы руки не расшибить, а коль уж бабушка на одном конце деревни запоет, на другом ей откликнутся. Такой голос был.

Оба мои дедушки лежат в братских могилах - вздыхает. Погибли, защищая родимую матушку-родину. И папка мой уходил на фронт безусым мальчишкой. Было ему всего шестнадцать. Вернулся инвалидом. Но всю войну не расставался со своей любимой гармошкой. Относился к ней также. Как к боевым друзьям.

А Иван Иванович хорошо помнит, как не сдержал слез, услышав песню дочери, посвященную своим родителям. А затем возвращается к разговору о коллекции. За жизнь свою много подержал в руках инструментов. Они у него по всему дому, как на выставке: и баян, и аккордеон, и гармони - самые разные.

Поглаживает их, именами нарекает. Они же как люди,-улыбается.- У каждой свой характер и голос. Одна норовистая, другая поет нежно, ласково. Бывает, новенькая попадет-ся, а мне не нужна. Надо ведь в нутро заглянуть, поиграть, послушать. Стоп! Не та, не моя. А другую возьмешь - отзывчивая, и характер мой - полное взаимопонимание.

У каждой гармошки, что живет в доме Глебовых не только свой характер, но и судьба своя, своя история. Как, впрочем, и каждого солдата Великой Отечественной. Боль, слезы общие, но судьба все же своя, как и у Ивана Ивановича.

Говорят, если уж попала человеку в руки гармонь, он с ней никогда не расстанется, в каком бы возрасте это не случилось. Что за привораживающая сила у этого инструмента? Одному Богу известно, да, пожалуй, еще самим гармонистам. Таким, например, как Леонтий Сергеевич Кошканов из Анжеро-Судженска.

Годков шестьдесят уж играет, а может и дольше. Встанет утром рано, и если еще не держал в руках гармонь, сам не свой вроде как. И руки беспокойные. И на сердце тоска. С виду-то Леонтию Сергеевичу его года ни за что не дашь. Крепкий старик. И корову, и ко-

ня держит. Хоть и живет с семьей внука, к скотине никого не подпускает. Сам и корм за- даст, и корову подоит, вычистит все. А уж ко- ли с гармошкой в руках присядет, правнучата так и вьются вокруг. Светланка маленькая танцует, а братишка ее кнопки потрогать но- ровит. Деду может и беспокойно, однако в душе радостно: гармонь - это вам не магни- тофон. Живая она в руках умельца.

О том, какой Леонтий Сергеевич мастер играть, рассказала мне его сестра Мария Сергеевна, с детства заглядывавшая на его ловкость. С ней мы и отправились в Анжерку проведать заядлого гармониста.

Встретили нас гостеприимно и тепло. Однако сам-то хозяин засмутился, гармонь взял не скоро, да и о себе не слишком много разговоров вел. Человек он скромный, застен- чивый. Но затем ни душа, ни руки не стерпе- ли. И запела его звонкая гармонь, и беседа наладилась.

- Это бесполезный разговор, что в гармо- нисте особенного?

- Так, первый парень на деревне. Гармо- нист...

- Гармонисты и сейчас кое-когда требу- ются, да мало их. Гармони не покупают. Учиться молодежь не хочет. Я вот себе хром-

ку в Яе купил. Хоть бы один пацан подошел: как гармонь? Сколько стоит? Никого нет.

- Обидно?

- Еще как! А ведь за водкой очередь... Первую гармошку купил себе кое-как. Отец не стремился мне купить. Баловство, думал, наверное. Купил я двухрядку, русский строй. Потом на однорядку сменял. Учить некому было. Все сам. Да у нас народ веселый. Охота играть. Плясунов без конца было. Кто не может плясать, задернут, зря не топчись.

В армию ребят брали. Всех провожал с гармошкой. Потом фронт начался. Всех мужиков провожал аж до следующей станции. Брата проводил до Новославянки.

Глядя на брата, тянулась к гармонии и сестренка Мария. Только вот своего инструмента не было, потому наигрывала она украдкой. Всяк берег гармонь свою пуще глаза.

- Еще девчонкой была,- вспомнилось Марии Сергеевне,- охота в клубе потанцевать, а гармонии нет ни у кого. Ночью тихохонько взяла гармошку братову - и в клуб. Натанцевались, наигрались. Иду домой, а у нас свет горит. Я и заходить боюсь. С гармошкой ведь, а он не знает. Встала у столба. Жду, когда спать лягут, свет потушат. Застыла. Нет, думаю, до утра мне не достоять на морозе.

Захожу, а у нас овечка окотилась, все с ягненком возятся. Так тихонько и занесла гармонь.

Своя гармонь у Марии Сергеевны появилась много лет спустя. Привезла ее из Одессы. Племянник подарил. Нынче в руки редко берет, настроения нет. Брат отчаянно спорит с ней:

- На гармонии всегда играть надо. Тогда горе человека стороной обходит. И настроение поднимается. С народом посидеть, повеселить его - тоже талант. Каждый день хочется пальцы размять. Да ребятишки спят, шуметь нельзя. А не спят, так бегают, то ткнут не там, то заденут инструмент...

Насчет детей, правнуков своих, Леонтий Сергеевич, конечно, лукавит. Видела, какими глазами смотрел он на них, когда вокруг гармошки вились. Это же его самые верные слушатели и почитатели. А вот, что уж в любое время не заиграешь, как бывалоча, до петухов еще, это уж точно. Спит народ в доме.

Сам Леонтий Сергеевич раньше всех по хозяйству хлопотать начинает. Живность его ему залеживаться не дает. А уж, когда пустеет дом его: взрослые на работу, детвора - в садик, тогда уж руки к гармонии сами тянутся. А в день знакомства нашего не забыли свои инструменты и гости. Как же иначе: чтоб к

гармонисту да без гармонии. Вот и звучали наигрыши вперемежку с разговорами, что велись в домике Капкановых за чаем.

- Отец слишком экономный был. Он куда попало не хотел деньги тратить. А вот брат Вася коня продал, а гармонь купил. Гармонь считалась целым состоянием. Кто корову на нее менял - ничего не жалели. Соседу вон как гармонь покупали - всем селом. Мать никак не хотела. А тому мочи нет - играть охота. В клубе покойник лежал, он залез туда ночью и давай наигрывать при покойнике. Все село об этом говорило. Пошли к матери, мол, надо сыну купить инструмент.

Стоит собраться гармонистам или просто людям, проводившим детство вместе - столько воспоминаний, столько забавных историй посыплется. Тут уж успевай слово вставить или слушай, не прерывая.

Прошло время, когда ласкали руки ту, самую первую и самую что ни на есть дорогую гармонь. Теперь вон у Леонтия Сергеевича на чердаке шесть штук пылятся, седьмая, как и положено, на почетном месте в доме, чтоб в любой момент зазвучать могла.

А с теми, что состарились от времени да сломались, расставаться все равно не намерен. Каждая близка по-своему, к каждой при-

кипел все одно что к человеку.

- Буду бедный, буду в лаптях ходить, но гармошку не продам, потому как однажды по дурости продал. В комнату потом заходить не мог, будто друга предал. Как все равно после похорон. Мучился, мучился, пошел обратно вызволять. Ученый теперь.

Горько Леонтию Сергеевичу. Что не было учеников у него, что не стремятся молодые к народным мелодиям. Однако, не могло пройти бесследно для детей, внуков его вдохновение, одержимость. Да и не прошло. Вот и Светлана, внучка, сама не играет, но слушает с радостью. Как же иначе, на этой музыке ведь и росла.

Звучит гармонь в доме Капкановых. Не стареют ее мелодии. Как бы хотелось, чтобы так и продолжалось. Сам ли Леонтий Сергеевич, гости ли его, как сегодня, а кто знает, может и внучата, достанут с чердака с затертыми кнопками старенькие дедовы гармошки, стряхнут бережно пыль, отремонтируют, да и заиграют. Не может того случиться, чтобы замолкли в этом доме звонкие голоса прошлого и настоящего, голоса босоного детства, голоса военного лихолетья и зрелой мудрости.

- "Невелика мудрость - на гармонии иг-

рать” - скажет кто-то. А вот искусного гармониста от посредственного сразу отличить можно. Гармонистов много. А мастеров далеко знают. Говорят, у настоящего гармониста - гармошка песню, мелодию по буквам выговаривает. Каждую нотку в напеве отдельно слышно, а от мелодии не отделишь. У другого же все звуки в одно сливаются: и играет вроде шустро, а говорка у гармониста не получается. И послушать такого гармониста не прочь, а огонька в его наигрыше, что в пляс зовет, нет. Много секретов у такой простой с виду гармошки. И не каждому человеку она раскрывает их. И здесь не только любовь, а и упорство необходимо.

Как умеет гармонь разговаривать знает прекрасно слесарь кемеровского производственного объединения “Азот” Николай Иванович Сидихменов.

- Любовь к гармонии пришла сначала к отцу. Он лучшим в районе был гармонистом. Я еще видел, как он играет. В 1943 году пришел отец с войны раненый и через четыре месяца умер. Памятью о нем осталась гармонь. Сперва к гармонии стал привыкать старший брат Владимир, а потом так получилось, что я его обучал секретам игры.

- Приедешь иной раз в деревню: стоит в

клубе гармонь, а играть некому. Перевелись на селе гармонисты. Слыхиваемое ли дело? Когда было так? Раньше на несколько деревень всех гармонистов по именам знали. А сейчас бывает, долго думают, гадают: умеет ли кто в деревне гармонь в руках держать? Вот, к примеру, знаете, сколько гармонистов было когда-то в Александровке Ижморского района, откуда Николай Сидихменов родом?

- Тридцать пять гармонистов было. А почему я знал количество гармоней? Потому что всегда меня звали: пойдём, послушай, я купил гармонь сыну. Я иду, выслушиваю, а у себя галочку ставлю: ещё появилась гармонь. Эти цифры у меня в голове откладывались.

- Вот, пожалуйста, где вы сейчас такое село найдете, чтобы в нём тридцать пять гармонистов было? А к гармонисту в деревне отношение особое - почет и уважение. А сколько девичьих сердец они покорили, эти парни с гармошками - и не счесть!

А у Николая Ивановича был такой случай, после которого долго он за гармонь не брался.

- Пришел я только из армии, меня попросили по старинному обычаю невесту какую-то высватывать. При въезде в деревню тронул пальцами кнопки, запела моя гармонь

“Саратовские переборы”. После этой игры невеста взглянула на меня и сказала, что за гармониста замуж пойдет, а уж за жениха - нет. Представляете, что произошло? Я гармонь оставил, а сам в окно сбежал.

Когда собирался Николай Сидихменов в клуб на вечерку, вся деревня знала. Приходили и переговаривались: сегодня Коля Сидихменов играть будет. А уж как отыграет он, другие за гармонь не брались. Все равно никто уж плясать не будет!

Сколько людей простая гармошка познакомила, подружила, объединила. Сколько смеха она слышала, сколько горя людского ведала. Те гармонисты, что с фронта в деревню привозили, и вовсе особенные. Дороже их не было. Погибал солдат-гармонист, а гармонь его никогда не смолкала, из рук в руки передавалась, хранилась бережно. Помните, как у Твардовского?

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно - гармонист.
Для началу, для порядку
Кинул пальцы сверху вниз.

Позабывтый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной Смоленской,
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь,
И кому какое дело -
Кто играет, чья гармонь.

А гармонь зовет куда-то
Далеко, легко ведет.
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.

Было так, было и по-другому. Николай Иванович частенько вспоминает, как побывал в гостях у бабушки своего товарища.

- У меня привычка была, в дом зайдем, глаза сразу гармонь ищут: есть ли в доме? Чаще всего гармони стояли в переднем углу. Под божничкой. И в этот раз там аккуратно гармошечка сложена была, салфеточкой накрыта. Старушка взгляд поймала:

- Играете?

- Играю.

- Возьми, поиграй.

Взял я ту гармонь, рванул меха, соскучился.

Надо бы радоваться, мне казалось, а бабушка отошла к печке и заплакала. Мне ку-

сок хлеба подает, спасибо, мол, за игру. Потом внук ее пояснил, что заиграл я именно ту мелодию, что сын ее любил играть, а он погиб.

Прошли годы, Николай Иванович переехал в город. И любовь к гармошке вроде не стихала, а играть стал меньше. Может быть, так и утихла бы в нем страсть к этому замечательному инструменту (ведь гармошка в городе не то, что в деревне), если бы не свела его судьба с человеком, также неистово влюбленным в этот инструмент.

- Я встретил замечательного человека на своем пути - Геннадия Ивановича Монакова. И все началось сначала, как было раньше. Занимались буквально до седьмого пота. Уже тогда переставали играть, когда пальцы заболят. И так каждый день. Потом стали уже меня приглашать на концерты. Начинал я с агитплощадки.

И в первый раз, когда я сыграл, было всего три зрителя. А потом зрителей становилось все больше.

Хоть и родилась гармонь не у нас, разошлась, изменилась, завоевала Россию в один миг. А обязаны мы этим, как ни странно, не музыкальным мастерам, а тульским оружейникам. Иван Сизов, мастер из Тулы,

выторговал однажды на ярмарке у купца за немалые деньги игрушку заморскую - гармошку с пятью кнопками. Привез домой и, как подобает мастеру, тут же ее разобрал. Разобрав, увидел - ничего сложного в механизме этом нет. Когда это видано было, чтобы тульского мастера другой обошел? Изготовил Сизов свою гармонь лучше той, что купил, и разошлись с его легкой руки гармоника по всей России. Да не просто так разошлись: каждый мастер ее перестраивал, переделывал под любимые мелодии своей сторонутки. В каждой области переиначивали и подлаживали гармонь под свои напевы. И появились - саратовская, ливенская, череповецкая, елецкая, вятская - всех и не перечислишь.

Первая гармонь, что приобрел Сидихменов самостоятельно, была кустарного производства.

- Как выбирали? - спрашиваю.

- Кустарную гармонь не выбирают. Она, если тебе в руки попала, больше может не попасть, брать сразу надо.

- Наверное, и мастеров всех таких наперечет знаете, есть у нас мастера?

- В Горьковской области есть.

И знаете, кто именно гармошками славится?

- Знаю. Мекишев Игорь Павлович, с младшим братом Николаем они делают.

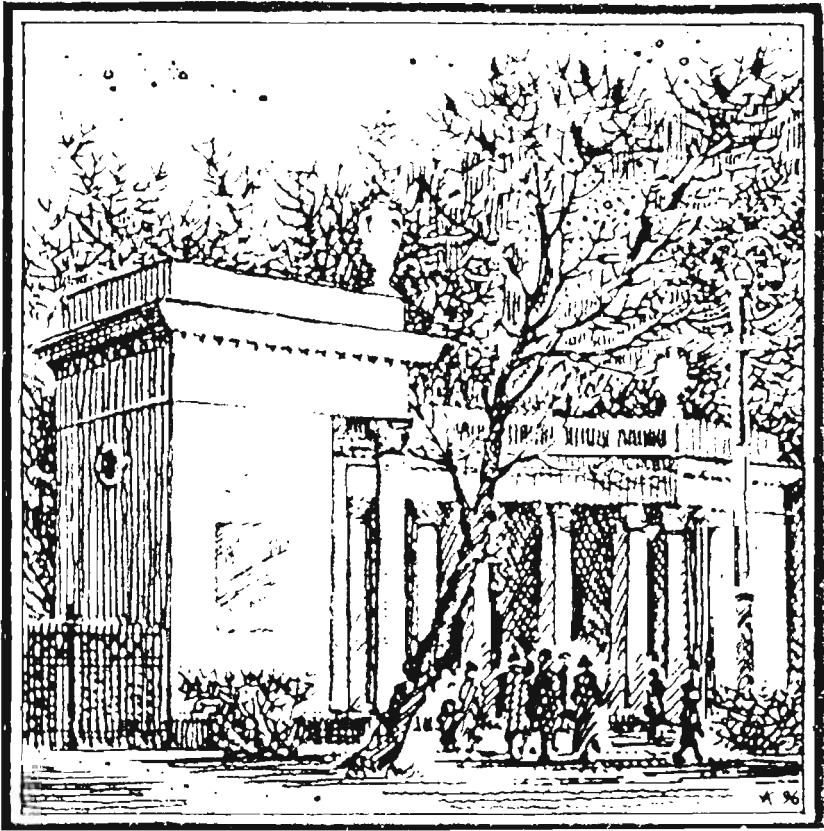
- Наверное, хорошие мастера, коль даже в Кузбассе их знают.

- Очень хорошие.

- Я через гармонь с такими людьми по-встречался! Василий Иванович Талаев мне напутствия давал. Замечательный гармонист. Он играет - и видит музыку. А мне советовал: огоньку побольше подбрасывай. Я с тех пор огонек тот в любом произведении ищу.

Ведет Сидихменов и своеобразный учет. Знает, к примеру, что за минувший год в Кузбассе 2000 гармоний купили. Радуетя.

Не замолкает чистый, задорный голос этого инструмента. Кто знает, может, пройдут годы, и вернет гармонь себе не только былую славу, но и всеобщую любовь. И снова будут раздаваться над селами ее звонкие мелодии. Снова будут соревноваться в мастерстве сельские гармонисты. И ни в одном клубе не найдется гармони-молчальницы!

ВСЕ КРАСКИ ИЗ ДЕТСТВА

Девочка Аня жила с родителями на железнодорожном разъезде. На несколько километров вокруг ни души. Чистое, продуваемое всеми ветрами поле да зеленые хороводы берез. Откуда здесь взяться подружкам, веселым детским играм? Но Аня не скучала. Целыми днями бродила она по сказочным тропинкам, догоняла одну березку за другой, пряталась в высокой, таинственно шумевшей траве, слушала трели птиц да стрекотню кузнечиков. А то собирала такие причудливые, не похожие друг на дружку камешки, стеклышки, коряжки, а потом выкладывала из них на теплой, пропеченной земле удивительных человечков, загадочных сказочных существ. Так она окружала себя друзьями, давая им замысловатые имена.

А зимой, когда белый снег покрывал все вокруг мягким, сверкающим ковром, рисовала палочкой по природному полотну из снега придуманных товарищей, сказочные царства Снежной Королевы. Лишь иногда длинными зимними вечерами закрадывалась в ее сердце грусть по далеким подружкам. Но и тогда Аня не скучала.

Она садилась поближе к весело шумев-

шей, разогретой докрасна печке и, заглядываясь на фантастические фигуры, созданные языками пламени, начинала сочинять невероятные истории... Вот страшный коварный кусака хочет похитить замечательную принцессу. Вот он уже совсем близко подкрался к девушке, собирающей яркие угольные цветы. Раз! И Аня, расшуровав угольки, спасает свою принцессу. А злой кусака сгорает в пламени от досады.

Однажды Аня сочинила пьесу. И ее — надо же! — поставили в школьном драмкружке, куда девочка ходила за несколько километров от дома. За эту пьесу Ане подарили коробочку с невероятным богатством. В ней рядком, тесно прижавшись друг к другу, лежали самые настоящие разноцветные красочки. Это было так давно, что Анна Ивановна Стыкут, самодеятельная художница из Тяжина, даже не припомнит, сколько ей было лет — то ли восемь, то ли десять. Но событие это не потеряло для нее своей значимости. Ведь с этого момента все и началось. Тот сказочный мир, запечатленный на ее многочисленных картинах, мир, перенесенный на полотна и воплощенный во всевозможных поделках, живет и теперь, много лет спустя в ее домишке-мастерской.

Я рассматривала работы, созданные в этом доме и не переставала удивляться. Как? Неужели действительно Анна Ивановна создала все это по собственному видению, без совета или помощи профессиональных художников? Неужели она нигде не училась? Никто не показывал ей, как держать кисть, какими приемами пользоваться, какие краски подбирать?

- А вот представьте себе, я ни с кем не была даже знакома из художников. Так вот у меня получилось, что не у кого было учиться. Ну иногда в книгах я что-то читала такое... Но по книгам того не возьмешь, что возьмешь из природы. Основная вся учеба - в природе.

Анна Ивановна только улыбалась. Нет, не училась, помешала война. Работала на заводе, после войны - фотографом, и лишь после этого - оформителем в клубе.

На вопрос помогла ли ей работа фотографа в освоении живописи, Анна Ивановна поведала: " Знаете, фотограф, мне кажется, это тот же художник, ведь, чтобы сделать хорошую фотографию, обязательно надо вкус иметь. Конечно, искусство рисования, роспись картин - это уже совсем другое. Но вот настолько заразишься - ничего не надо, ни-

чего бы не делал, ничего не смотрел, только бы рисовал, рисовал. Одну пишешь, а другая уже у тебя в голове. Уже думаешь: ах, и то, и то, и то надо. Никак не можешь остановиться. И у меня какая-то потребность души. Мне каждый пень, каждая травинка интересна. Даже у травинки какой-то оттенок, какая-то тень у пня - это для меня что-то такое неземное. Трогает. Хочется выразить."

Можно ли "выразить" пень, бездушный камень, неприметный цветок? Оказывается, можно, если наделить их характером, придумать им, неживым, судьбу, сходство с одушевленным существом.

Вот он, такой пень, взявший под свою опеку, давший приют целому семейству дружных опят.

...А эта ряска, что в 12 километрах от дома художницы... Две сухие, одинокие березы, словно надеясь на вторую жизнь, по колена в воде, жадно напитывают корни живой влагой, поддерживая ветвями друг дружку. Вдруг свершится чудо, и, омолодившись в живой воде, деревья выпустят клейкие свежеспавнувшие листочки?

На другом полотне шумно от гомона крикливых, бесцеремонных ворон. "Вороний хутор", он не дает покоя отражающимся в та-

лой холодной воде деревьям. Но это множество темных гнезд не заслоняет свет от поблескивающего на ярком весеннем солнце льдистого снега. А вдалеке контрастным зеленым пятном - протаявшая озимь.

Все эти пейзажи полны жизни, причудами представителей окружающего нас природного мира.

У Анны Ивановны целый список картин, которым только еще предстоит появиться на свет. Слишком много задумок. Хочется запечатлеть очень многое. Весь вопрос во времени и силах. Успеть бы. Больше всего любит природу, следовательно, пейзажи. Они забирают все ее воображение, диктуют цветовую гамму, распоряжаются ее жизнью. В своих картинах она много экспериментирует. Сказывается любовь к природным материалам, увлеченность прикладным искусством.

Вот хотя бы эта работа: зима, заснеженный дом, снегопад... Он настолько ощутим, что невольно хочется поймать в руку пушистые снежинки, ощутить их холодок, подержать, пока растают от человеческого тепла. Художница с удовольствием дает пояснения: " А это, уже знаете, особая техника. Там на фанере выжигание покрыто краской, а по краске пенопласт, натертый на терке. Им по-

сыпано. Он прилип к свежей краске и получается, будто свежий снег на этой картине."

Порой рисует, на чем придется. Нет полотна – подойдет картон, лист бумаги, доньшко от бочки. Лишь бы была возможность сиюминутно излить впечатление. Не останавливаться, не терять минут. Ведь творение и есть жизнь. Замрешь на час – потеряешь сутки. А вокруг столько всего привлекательного. Разве можно упускать момент?

...А эта картина – заветное местечко, куда отправляется Анна Ивановна каждый год за грибами.

- За Камышловкой... Как только за Камышловку заедешь, налево сворачиваешь и... был такой солнечный денек, солнечный, но уже близился к вечеру. Настолько тени вот эти длинные пали, что только между деревьями просветы остались...

Не только близкие сердцу родные просторы запечатлела на своих полотнах Анна Ивановна Стыкут. Довелось как-то побывать ей на творческой даче художников в Горячем Ключе Краснодарского края. Много впечатлений привезла оттуда. И уже по приезде взялась за кисть. Там не рисовала. Анна Ивановна предпочитает писать не с натуры, а по памяти. Увиденному надо "отлежаться". Сама

объясняет это тем, что необходимо время, чтобы обдумать увиденный пейзаж, изучить характер моря ли, реки, прийти к точному замыслу, теме. Да и память ее, к слову сказать, никогда не подводила. Стоит, порою, до мельчайших подробностей перед глазами картина, увиденная десять, пятнадцать, а то и двадцать лет назад. Дождает своего времени, поскольку замыслов у художницы много.

- Вот Черное море. Это вот все природа Горячего Ключа. В декабре там такая природа... вся какая-то темная, как бы сказать - и снега нет, и листьев... Берез совсем мало, а все больше чернолесье какое-то да пирамидальные тополя. Затаилось все. Не договаривает. Не открывается взгляду... А вот такие туманы там в горах. Настолько плотные, густые, что даже солнышко не светит, а лишь пятном красным красуется...

В Тяжинском домике Анны Ивановны часто толкутся ребяташки. Приходят сюда на встречу со сказочным миром художницы как в музей. Посудите сами: открываешь дверь в сенцы - и лукаво поглядывает на тебя мишка-плутишка, захотевший полакомиться медом... Открываешь следующую дверь - прямо на стене огромные мухоморы, глухарь важно хозяйничает на раскидистом дереве. В

комнате, кроме картин, сосна под потолок, самая настоящая. А на ее ветвях и белка, и рябчик, и бурундук, и синичка. Чучела - тоже дело рук Анны Ивановны. А чтобы сосна домашняя не осыпалась, она каждую иголочку полакировала.

И это еще не все. Кругом удивительные коряжки. А приглядишься - и не коряжки вовсе, а так любимые детьми зверушки, бармалейчики, кусаки необычные, чудо-юдо. Крокодил Гена гармошку растянул, про веселый день рождения напевает...

И не просто чудеса эти ребята разглядывают, а и за работой мастера наблюдают. Есть и такие, кто уже сам мастерить да рисовать пробует. Рисунки свои приносят первым делом на суд учительницы. Анна Ивановна никому не отказывает - помогает, советует, учит.

Все в дело у нее идет. Запасает материал все лето. Ветка ли какая приглянулась, жучок ли необычный попал - пригодятся долгой зимой. Возвращалась с Черного моря - целый чемодан везла с травами незнакомыми, с ракушками, шишками. Что-то уже в дело пошло, что-то своей очереди дожидается.

- Берешь, один раз посмотришь эту коряжку... А, знаете, вот один раз ее посмот-

ришь - ничего не найдешь. Второй раз по-смотришь - ничего не найдешь. Третий раз как-то иначе повернешь - уже в ней рождается что-то. И вот сейчас у меня две ванны стоят корней. Буду тоже делать...

Берет Анна Ивановна в руки такой корешок, где подстрогает, где отогнет, покроет лаком... и рождаются в ее руках причудливые существа. И имена есть у каждого точные, по-другому и не назовешь. Вот Кусака хвостатая, вот Клыкун сердитый, Олень грациозный. А это просто гармоническое сплетение отростков Анна Ивановна назвала "Аэробика". Смотришь на эту поделку и словно слышишь зазвучавшую музыку, и словно видишь, как изящно двигались малиновые корешки до того, как застыли под умелыми и добрыми пальцами художницы.

Творения свои художница раздает по детским садам. Учит ребят видеть в корешках замысловатые формы, воображение развивать учит. Сутки ее все расписаны по минутам. Не хватает сил на живопись, значит в руках пяльцы или спицы.

- Днем я рисую, - делится А. Стыкут,- на ночь обязательно повышиваю. Когда болею, занимаюсь вязанием. Кофточки, кружева старинные, скатерти, шали. Все это, чтобы времени не терять.

Сколько себя помнит Анна Ивановна, столько ее и преследует страх потерянного времени. Бережет каждую минуту. Как же иначе, если впереди море планов и задумок. Каждый день приносит ей новый образ, каждое мгновение природы требует, чтобы она запечатлела его состояние. И пробует, ищет, пишет, мастерит, вышивает... Чтобы успеть многое, а затем раздарить ребятишкам, знакомым, друзьям. И появляются в разных домах ее затейливые фигурки, ажурные сплетения салфеток, чистые краски полотен. Появляются, привнося с собой чуточку сказочного мира, дыхание леса, свежесть холодного ручья, в дом доброту.

Не устаю удивляться: да как же это можно уметь все, за что не возьмись? Да еще без специальной школы?

- А видно, - отвечает, - родилась с этим. Ведь не училась ничему. Лишь желание огромное. Ведь я сяду в машину - на машине поехала, на мотоцикл сяду - поехала, и на тракторе могу. И детей приучила к механизмам. Вот даже шторы эти - фелирация... Прием, забытый давно. Петр I привез когда-то для оформления театральных костюмов. Возможно, до меня не так дошел прием этот, но пробую. Я когда в Новосибирске жила во

время войны, встретила с одной старушкой. Ей 92 уже было. Художница. Она меня научила этой фелирации. Это – письмо по негрунтованному полотну масляной краской. И краска не расходится, не расплывается, не тускнеет...

Не важно, кто и когда впервые применил это новшество - роспись по ткани. Но так уж у Анны Ивановны в доме. Ее красочный мир присутствует во всем. Даже шторы пылают яркими, сказочно красивыми розами, выписанными собственной рукой. Будто сорвала их хозяйка поутру в саду и еще росистые, влажные наколола на неприхотливое серое полотно.

Нет у А. И. Стыкут фабричных ковров, заводских сувениров. Все в ее доме - плод фантазии, память наблюдений, мастерство рук.

Огненный петух на плетне, белобокие сороки-стрекотухи на березах вытканы.

Гуси-лебеди на стене - аппликация, цветы по полотну - из лоскутков, вышивки, бисерные россыпи, превратившиеся в растения - все это дело ее рук.

- Много от человека зависит. Глаза даны, чтобы не только глядеть, но и видеть. Большое терпение и труд нужны. Я рисую то, что

чувствую и вижу. У художника свои законы есть. Возможно, я где-то и не по законам поступаю, но я так вижу, так чувствую своей натурой. И это – мое видение, моя индивидуальность.

Анне Ивановне Стыкут, художнице из далекого таежного поселка Тяжин, дано глубоко чувствовать, проникать в природу окружающего мира. Свое видение она бережно переносит на полотна. Именно бережно, боясь спугнуть настроение. Вот так девочка Аня с железнодорожного переезда осталась верна миру из детства, который, захватив когда-то с собой в дорогу, пронесла через всю жизнь.

15 руб. 00 **цена**
коп.

Александрова Марина Григорьевна

"Чужие окна"

Сборник очерков

Редактор **С. Солод**

Верстка **В. Шилов**

Художник **В. Кравчук**

Сдано в набор 06.08.2003 Подписано к печати 19.08.2003. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная Гарнитура «TimesNewRoman» Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,8 Тираж 200 экз. Зак. № 2434.

Отп. в ОГУП Л-Кузи ПЮ (ул. Беллинского, 17, тел. 3-43-91)

